АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ ФИЛИАЛ АКАДЕМИИ НАУК СССР
СОЮЗ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ АЗЕРБАЙДЖАНА

ПОЭТ
САМЕД ВУРГУН

Издательство Союза Советских Писателей
Азербайджана

Баку—1941 г.

АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ ФИЛИАЛ АКАДЕМИИ НАУК СССР
СОЮЗ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ АЗЕРБАЙДЖАНА

ПОЭТ
САМЕД ВУРГУН

Издательство Союза Советских Писателей
Азербайджана

Баку—1941 г.

Ответственный редактор
М. АРИФ

Мехти Гусейн

САМЕД ВУРГУН

В своем стихотворении «Свободное вдохновение» Самед Вургун говорит:

Человек — это все. Он властитель земли.

Эта мысль определяет все направление поэзии Самеда Вургуна. Все свои лучшие произведения Вургун посвятил людям—смелым борцам за свободу, строителям новой социалистической жизни.

Автор больших поэтических драм, многочисленных поэм и стихов, Самед Вургун занимает видное место в послереволюционной азербайджанской поэзии.

Являясь преемником лучших традиций национальной классической поэзии, он создал произведения, в которых с большим мастерством показал новых людей, их мысли и чувства. Главные герои «Поэмы о комсомоле» — первые советские комиссары, комсомольцы-агитаторы, бойцы революции. В «Слове о колхознице Басти» героиней является знатная стахановка колхозных полей. И в других произведениях поэта главными действующими лицами являются наши современники, люди, воспитанные комсомолом, партией Ленина—Сталина.

Все творчество Самеда Вургуна проникнуто патриотизмом. С большой поэтической силой он прославляет свою родину в стихотворении «Азербайджан»:

Можно ли песню из горла украсть?—Никогда!
Ты дыханье мое, ты мой хлеб и вода!
Предо мной распахнулись твои города...
Весь я твой. Навсегда в сыновья тебе дан,
Азербайджан, Азербайджан!

Высокие и благородные требования пред'являет Вургун к поэту. Назначение поэта — быть активным участником жизни, ее творцом и строителем. В одном из своих стихотворений он пишет:

Наш долг один — священен он,
Наш путь один—другого нет.
Поэт вне жизни — не поэт.
Поэт вне жизни — пустозвон.

В последнее время Вургун стремится к большим поэтическим формам. В его драме «Вагиф» показаны события XVIII века.

Главный герой — поэт Вагиф. Его судьба крепко связана с судьбой народа, которому грозит иранский завоеватель и тиран — шах Каджар.

Вургун рисует жестокость шаха Каджара, кровавого душителя лучших сынов Азербайджана и Грузии. Но он воспитывает у читателей ненависть не только к шаху Каджару, но и ко всем врагам свободы, к захватчикам, у которых «каменная душа и птичья голова». И прав Вагиф, когда восклицает перед злодеем Каджаром:

Ведь никогда пред вражескою силой
Своей главы отчизна не клонила.

Драма «Вагиф» насыщена идеей братства народов. Образный язык, глубина мысли и чувства, жизненность характеров и страстей свойственны поэзии Вургуна в целом и его драмам в стихах в особенности.

Лучшие лирические произведения поэта посвящены любимым вождям нашей революции. Вот слова, обращенные к Сталину:

Ведь к солнцу направлен наш караван!
И солнечный луч нам водителем дан.
От тех, кому лица забронзовил свет,
От солнца, от сердца, от силы привет!
О сталинском имени — всюду молва,
Но это не славы обычной слова:
Оно вызывает великую страсть,
И страсти той имя — народная власть!

Поэзия Самеда Вургуна отличается глубоким оптимизмом, верой в нового человека. Вургун был зачинателем советской сатиры в азербайджанской литературе.

Его стихи, направленные против пережитков капитализма в сознании людей, бичующие обывательщину и мещанство, напоминают сатиру Сабира.

Поэт усиленно работает над переводом на азербайджанский язык произведений великих русских классиков. Особо следует отметить его перевод пушкинского «Евгения Онегина».

Как художник, Самед Вургун никогда не успокаивается на достигнутом. Каждое новое его произведение свидетельствует о дальнейшем творческом успехе писателя. Имя его популярно не только в Азербайджане. Оно известно во всем Советском Союзе и далеко за его пределами. Эту известность поэт заслужил по праву.

(„Правда" от 21 мая 1940 года).

Идаят Эфендиев

ПОЭЗИЯ САМЕДА ВУРГУНА

Я как сила, выхваченная у солнца,
В сердце мира новой струей теку

— это пламенное восклицание пламенной души. Это яркое горение страстного, неугасимого поэтического вдохновения. Это неудержимое стремление большого мужественного сердца к солнцу, к свету, к счастью, к идеалу красоты, вечной правде. Оно преисполнено жаждой вырваться из пределов, выйти из состояния покоя. В нем слышится пульс героического настоящего, страстный призыв к светлому будущему.

Один лейт-мотив властно звучит во всем творчестве этого замечательного поэта. В стихах Вургуна неизменно чувствуется теплота внутреннего горения и неотразимая сила жизненной правды. Отсюда высокий тонус и лирический накал его поэзии.

Поэзия Самеда Вургуна искренна, проста и действенна. Простота и искренность Вургуна органически связаны, являясь выражением сложности внутренних его переживаний. Как стихи Маяковского, так и стихи Вургуна при всей своей лиричности и революционной страстности отличаются мудрой простотой, четкой политической и художественной целеустремленностью. Они насквозь пронизаны чувством жизни, чувством природы и человека.

«Один голос призывает поэта: Будь поэтом будущего, будь человеком поколения, которое придет после нас, изучай законы и злоупотребления и займись обществом. Другой голос говорит ему: Будь поэтом настоящего, всех грядущих поколений, будь человеком вечным, созерцай деревья и звезды и займись природой. Кого слушать? Обоих. Будь поэтом природы и ты будешь поэтом людей»,—говорит Гюго.

Самед Вургун гармонично соединил в себе настоящего поэта природы и вдохновенного певца людей, воплотив в своем лице образ подлинного поэта, о котором мечтал великий француз.

Самед Вургун вошел в азербайджанскую литературу с великолепным даром ощущать и изображать природу. Это— первооснова его творческого становления. Это — поэтически одухотворенное, страстное чувство неразрывного единства души поэта с красотами родной природы—журчаньем прозрачных родников, ревом бурных потоков, пеньем птиц, взлетом парящих над облаками орлов. Восторженное ощущение природы, пронизывающее его богатую и многообразную поэтическую индивидуальность, сказывается на мастерстве его пейзажа, который далек от лубочных, сусально-натуралистических описаний. Живое наблюдение и глубоко реалистическое восприятие, присущее творчеству Самеда Вургуна, придают его описаниям неуловимые и тончайшие нюансы:

Мой Талыстан, полна восторга грудь,
Тебя полюбишь, стоит лишь взглянуть.
Здесь солнце, оседлав себе коня,
Стремит его к седьмому небу дня,
Здесь так прохладны воздух, воды, лес,
Ущелья глубже голубых небес.
Здесь так хорош дневной лучистый свет,
Что сложит песню даже не поэт.
Вершины гор, как старики, седы
И гроздьями со скал свисают льды...
Тут, словно кони, носятся ветра
В густом тумане ночи и утра.
Когда по склону движется туман,
То кажется, идет и Талыстан.
И каждая вершина на горе—
Как девушка в серебряной чадре...
Мне каждый кустик, ветка и листок
Лишь сочетанье музыкальных строк.

(«Талыстан»)

Самед Вургун мастер тонкого пейзажа.

В таких его стихах, как «Свободное вдохновение», «Делижанское ущелье», «Концертный вечер» и друг., он достигает особой рельефности изображения и эмоциональной насыщенности, непревзойденных в азербайджанской советской поэзии.

Почти в любом описании Самеда Вургуна выступает великолепное и неповторимое в своей непосредственности разнообразие его реалистических красок, выразительно воспроизведенные картины природы, доставляющие величайшее наслаж-

дение и способствующие глубокому познанию окружающего мира.

Зоркость художественного зрения, образность и эмоциональность придают его ярким живописным картинам природы глубокое содержание. Вы нигде почти не найдете у него чисто описательных, замкнутых, изолированных изображений. Живая плоть природы никогда не втискивается им в готовые поэтические стандарты, которые мы привыкли видеть во многих произведениях наших поэтов. Его яркие зарисовки хороши не сами по себе, а в известном поэтическом сочетании, которое придает им свежесть и новизну.

Самед Вургун с поразительным чувством меры оперирует ими, связывая их с переживаниями своих героев. Этим он достигает в своих произведениях одновременно двух эффектов:—изобразительного и психологического. Этим он добивается того богатства красок, той волнующей лиричности, которые ставят Самеда Вургуна в один ряд с выдающимися мастерами пейзажа в советской литературе.

В своих описаниях Вургун выражает органическую пламенную любовь к природе. Тщетны и глубоко ошибочны были попытки некоторых критиков, усматривавших в этой любви отклонение поэта от актуальных тем современности. Эта любовь всегда выражала собой безграничную привязанность поэта к родной стране, к жизни, к трудовому человеку, к народу.

Самед Вургун связан крепкими и неразрывными узами со своим народом, с его судьбой, чаяниями и мечтами. С большим волнением и восторгом он воспевает счастливую и радостную жизнь своего народа:

Родина моя! Какие беды над тобой не поднимали пыль,
Но сегодня—в день твоей победы новым блеском
освещает быль.

Поэтическое творчество Вургуна глубоко народно. Его народность имеет глубокие реалистические корни. Она пьет живительную влагу из родной, близкой нам почвы, согревается солнцем нашей жизни, дышит духом советской эпохи, оплодотворенная пафосом борьбы народа за светлое, счастливое будущее.

«Отражение индивидуальности, характерности народа, выражение духа внутренней и внешней его жизни, со всеми ее типическими оттенками, красками и родимыми пятнами» (Белинский) удается Вургуну прежде всего потому, что он

питает безграничную любовь к народу, к его героическому прошлому и его радостному будущему.

Социалистическая эпоха воспитала в поэте острую чуткость и понимание чувств и мыслей своего народа. Он с трепетом в душе умеет прислушиваться к биению пульса его жизни, понимать его душу, радоваться за него и делиться с ним своими переживаниями.

Он всецело принадлежит народу. Он готов отдать всю свою жизнь, силы и талант борьбе за счастье народа:

Я сын народа—жизнь моя народ,
Мое искусство он ведет вперед.

Самед Вургун в полном смысле слова певец народа. Связывая свою личную судьбу, свою биографию с судьбой своего народа, он восклицает:

Мой народ! В сердце высеку эти слова.
Поседела в трудах для тебя голова.
Я — твой сын, ты душа и награда моя,
Ты—мечта, вдохновенье и радость моя!

Счастливая солнечная страна, талантливые люди, богатая история, культура, искусство, литература и язык азербайджанского народа вызывают в нем чувство законной гордости и восхищенья. Он глубоко убежден и верит в творческие силы и способности родного народа, в его верность родине, партии и идеалам свободы.

Народность Вургуна не стихийна. Она опирается на чувство глубочайшей ответственности поэта перед народом, перед советской эпохой с ее неотложными задачами и суровыми требованиями. Народность Вургуна—это народность поэта, всецело осознавшего важность миссии, которую на него возложил советский народ. Это — народность поэта, достигшего высокой художественной зрелости.

Народность поэзии Самеда Вургуна питается живительными соками классической поэзии азербайджанского народа. Стремлением достичь в своем творчестве всего лучшего, что создано творческим гением великих азербайджанских поэтов и писателей прошлого, Вургун становится достойным наследником их традиций. Идеалы народности классиков он превращает в достижения сегодняшней литературы.

Ярчайшим свидетельством органической связи Самеда Вургуна с чувствами и мыслями своего народа является его любовное отношение к фольклору, к устному народному

творчеству. В своей поэтической практике он не случайно опирается на богатства народного творчества.

Вургун никогда не рассматривал фольклор как нечто замкнутое и самодовлеющее. Поэтому он относится к нему не пассивно-созерцательно, а со всей смелостью большого поэта, ставящего себе определенные творческие задачи. О такого рода смелости Белинский писал в своих «Литературно-критических набросках»: «Есть высшая смелость. Смелость изобретения, создания, где план обширный об'емлется творческою мыслью—такова смелость Шекспира, Данте, Мильтона, Гете в «Фаусте», Мольера в «Тартюфе».

Смелость, присущая Самеду Вургуну, открывает перед ним широкие творческие возможности. Фольклорные мотивы, взятые из сокровищницы устной народной поэзии Азербайджана, подвергаются им глубокой творческой переработке. Вургун никак не может мириться со слепым подражанием фольклору, потому что он далек от пуристов и стилизаторов, искажающих социальное содержание народной литературы. Элементы устной поэзии служат Вургуну не просто орнаментом, а неот'емлемой частью его стиля. Ими Вургун пользуется как радикальным средством обогащения литературы и поэтического языка азербайджанского народа. Фольклорные мотивы играют решающую роль в новаторстве Самеда Вургуна. Они освежают, обновляют форму и содержание его произведений.

Глубокое и серьезное осмысливание фольклорных мотивов с позиций революционного мировоззрения дает возможность Самеду Вургуну неразрывно сочетать их с приемами современной поэзии.

В таких стихотворениях Самеда Вургуна, как «Вспомнил», «Поговорим», «Брату ашугу» и друг., он продемонстрировал свое блестящее знание духа народной поэзии, замечательное мастерство художественной передачи этого духа.

С этой точки зрения совершенно не случайно, что Вургун очень часто обращается к славному героическому прошлому своего народа, воспевает его борьбу, бесстрашие его мудрых, смелых и честных сынов. Этой благодарной теме посвящены его прекрасные стихи и поэмы «Гыз-гаясы», «Аслан гаясы», «Азербайджан», «Поэма о 26-ти», «Басти» и другие.

Органически сочетая мотивы азербайджанских легенд с лучшими традициями советской поэзии, поэт с умелостью зрелого мастера передал в этих поэмах мудрость, великодушие, свободолюбие и героизм родного народа.

Прекрасное драматургическое произведение «Вагиф», занимающее одно из первых мест в советской драматургии, также написано поэтом не случайно.

«Вагиф» рисует перед нами изумительно живую, яркую картину славной борьбы азербайджанского народа за свободу, за независимость против ханов и иноземных захватчиков. «Вагиф» показывает сокрушительную силу интернациональной дружбы и братства народов. «Вагиф» показывает патриотизм и героизм азербайджанского народа в борьбе с врагами. В этом произведении показана мудрость народа, который вырастил и выдвинул на арену мировой литературы и культуры таких гигантов, как Низами, Насими, Физули, Вагиф, Мирза Фатали Ахундов, Сабир и многие другие, таких героев и полководцев, глубоко уверенных в правоте своего дела, как Бабек, Кер-оглы и Качаг-Неби.

Несмотря на то, что это произведение написано на историческом материале, оно очень актуально и современно. Это результат того, что изображаемые события поэт рассматривает с высоких позиций социалистического реализма, с позиций острых и актуальных проблем нашей революционной эпохи.

«Вагиф» до основания разбивает старые представления о жизни и творчестве величайшего азербайджанского поэта Вагифа, рисуя перед нами обаятельный образ мудрого, бесстрашного, величественного, преданного своему народу поэта—борца.

Написанное изумительными стихами, это произведение глубоко народно, оно своим художественным мастерством открыло в азербайджанской советской драматургии и советской поэзии новую страницу.

«Вагиф» пронизан глубоким народным духом. Это сказывается даже в чистоте, простоте и народности поэтического языка Самеда Вургуна, который может служить образцом для наших поэтов. Можно смело сказать, что вся творческая биография Вургуна характеризуется его неустанной борьбой за чистоту, простоту и ясность литературного азербайджанского языка, за его подлинную народность.

Определяя свое понимание народности языка, Самед Вургун говорит: «Поэты и писатели, не сумевшие до сих пор очистить свой словарь от влияния чуждых нам языков, должны изучить азербайджанский язык путем народной литературы. Они должны быть неразрывно связаны с широкими народными массами, создающими эту литературу. Используя это

богатейшее народное творчество, мы не должны возвращаться к ашугу Алескеру. Мы богатствами нашего фольклора должны обеспечить чистоту и лиричность нашего языка, воспевать чаяния широких масс. В противном случае наша поэзия не сможет стать достоянием народа» («Революция и культура», 1934 г. № 11/12).

Самед Вургун в народном языке ценит прежде всего его смысловое богатство, многокрасочность, музыкальность, чистоту и ясность, противопоставляя их всяким влияниям чуждых нам языков. Неясность, загроможденность непонятными словами, запутанность и напыщенная метафоричность чужды поэзии Вургуна.

Несмотря на то, что прямое назначение языка заключается в том, чтобы выражать мысли, понятные для всех, однако, находились и, к великому сожалению, и по сей день еще находятся такие писатели, которые в этой непонятности и недоступности усматривают высшее назначение литературы.

Решительно выступая против подобного упрощенчества и надуманной сложности языка, Самед Вургун призывает всех поэтов и писателей к максимальной ясности и использованию всех богатств народной речи, извлечению из стихии народной поэзии всего того, что может оздоровить, поднять и обогатить литературный язык азербайджанского народа.

Простота поэтического стиля Самеда Вургуна является решающей особенностью его творчества, своеобразным отражением его реализма и народности. Она далека от условности и посредственности. Она не сводится к одной только простоте языка, как полагают некоторые, а является выражением сложности его внутренних переживаний. Это — сложная, глубокая и философская простота. «По моему мнению, простота языка не заключается в его «простонародности» и разговорности. Мы в языке ищем народный дух, народные мысли. К примеру можно взять великого азербайджанского поэта Физули... Почему в течение четырехсот лет народ читает его стихи наизусть? Потому что в его стихах живет народный дух»—говорит Самед Вургун, конкретизируя свои мысли о художественной простоте.

Теоретическим воззрениям Самеда Вургуна на простоту вполне соответствует и его практика художественного творчества. Слова Белинского «простота это красота истины» как нельзя лучше характеризуют философский смысл поэтической простоты Самеда Вургуна.

Лирика Самеда Вургуна — лирика философских размышлений. Как всякому большому мастеру, ему свойственно поэтическое размышление над жизнью, глубокое осмысливание ее явлений, стремление постигнуть сущность об'ективной действительности.

Мой друг, не попади в ошибок сеть.
Пусть горе мне придется претерпеть,
Лишь смог бы я постигнуть тайны мира,
Лишь смог бы полным голосом запеть

—говорит поэт, глубоко осмысливая жизненную миссию советского писателя и поэта.

Философская лирика интересное явление в азербайджанской советской поэзии. Самед Вургун является основоположником жанра философской лирики в советской поэзии Азербайджана.

Следует констатировать, что философская лирика вообще не чужда азербайджанской классической поэзии. Великие классики прошлого — Низами, Насими, Физули, Мирза Фатали Ахундов своим непревзойденным художественным мастерством поднимались на высоту современных им передовых философских мыслей, своей мудростью далеко опережали свою эпоху. Но философская поэзия прошлого в силу общественно-политических условий не в силах была выйти за пределы спокойного и созерцательного раздумья над безрадостным опытом человеческих поколений.

Нашему времени чужда всякая пассивная созерцательность. Философская лирика социалистического реализма обладает своими присущими ей особенностями. Она опирается на практику миллионов трудящихся масс, она служит новым задачам, новым требованиям и целям действенной оптимистической философии советских людей.

Все это характерно и для лирики Самеда Вургуна. Преодолевая в своей творческой практике некоторые отрицательные традиции классической философской поэзии, Вургун уверенно направляет свои изобразительные средства для выражения мыслей и жизнеутверждающего мироощущения людей страны победившего социализма, создавая в своих произведениях слитное единство художественного образа и философской мысли.

Область поэтических размышлений Самеда Вургуна не знает преград:

Опять в моей мечте—гроза,
Мечта не ослепит в пути.
Я широко раскрыл глаза,
Чтоб в каждой смысл найти.

Как видно из этих строк, Самед Вургун ищет смысл во всем, он старается вникнуть в сущность вещей и явлений жизни, природы, истории, он стремится постигнуть в них нечто большее.

Капля воды, одинокая чинара, мерцающая звезда, жизнь, природа, человек, любовь, дружба, смерть — все это для Самеда Вургуна одинаково значимо, одинаково важно и ценно. Поэт широкого лирического диапазона и пламенного вдохновения, он сообщает неожиданно глубокое содержание даже самому маленькому, внешне ничтожному поэтическому наблюдению, дает им широкий социальный фон.

В каждой мельчайшей крупинке скрыт смысл,
Что, как море, глубок

—вот как воспринимает Самед Вургун нашу бесконечно разноообразную действительность.

Поэтические раздумья Самеда Вургуна имеют обобщающую силу. Ему удается выковать из отдельных, мельчайших деталей поэтическое единство и цельность. Эти детали он рассматривает не как разрозненные, ничем друг с другом не связанные частности, а как органические частицы одного целого. Ничтожное, может быть, даже никем не подмеченное явление под пером поэта приобретает обобщающий и захватывающий смысл, неожиданно трепещет полной жизнью. Это является следствием того, что схваченные Вургуном явления, события, детали поворачиваются к читателю совершенно новыми сторонами. В них оттеняются совершенно новые контуры. Для Самеда Вургуна нет многозначительных и малозначительных событий. Ко всему он чуток и внимателен. Ничего не пропустит он мимо своей зоркой наблюдательности. В самых внешних малозначительных и частных проявлениях находят свое отражение и подтверждение те или иные размышления Самеда Вургуна. Уменье раскрыть большое в малом, дать ему неожиданное освещение, обобщить и осмыслить его—вот характерная особенность философской лирики Вургуна.

Кто с разумом сюда явился, тот
Познавший мир, во веки не умрет —

этот тезис поэта нашел свое яркое отражение в таких его стихах, как «Горе чинары», «Низами», «Смерть поэта», «Весна и я» и другие. В этих стихах Самед Вургун с присущей ему силой убеждения говорит о своих жизненных принципах, раскрывая в описываемых им явлениях совершенно новое содержание и новый смысл. Читателю сразу становится ясно, что поэт взялся за эти темы не спроста, а с определенными намерениями возбудить в нем движение мыслей, горение души, полет фантазии.

Страстность и сила поэтического выражения, свойственные стихам Самеда Вургуна, в состоянии растолкать даже сонного, вызвать новый прилив энергии, новые мысли и чувства у читателя. При этом Вургун совершенно не рассчитывает на внешний эффект, он выбирает события не для того, чтобы ошеломить читателя. Он обращается к нему средствами художественной убедительности, вкладывая в эти события серьезный, волнующий смысл, ни на шаг не отступая от правды жизни. Отсюда его глубоко реалистическая правдивость, стремление к всесторонности, к верным и убедительным мотивировкам.

Безмерная, ни на миг неослабевающая любовь и привязанность к жизни — вот неиссякаемый источник того действенного жизнеутверждающего оптимизма, в который окрашено все его мировоззрение.

Жизнь для поэта — это все. Он ее рассматривает не как нечто статичное, замкнутое в себе и красивое, а как неизменно движущееся к конечной цели, непрерывно развивающееся и поднимающееся к совершенству.

Иногда размечтаюсь: проходит гряда облаков,
Капля, малая капля становится морем порой.
Вековечный закон у вселенной таков:
Прибывает с одной стороны—убывает с другой

—восклицает Вургун, поэтически осмысливая это движение, и диалектическое изменение об'ективного мира.

В своей поэзии Вургун с первого дня своего поэтического становления выступает как влюбленный в земную красоту, в красоту жизни, борьбы, радости и победы. Своей наблюдательностью, он проникает в тайны жизни, познает, постигает их, освещает их лучами своего жизнеутверждающего оптимизма:

Нет философии мудрей и величавей, чем жизнь.
Коль этого ты не поймешь,—скорее в колыбель ложись.

Познанием мира обеспечивается бессмертие великих людей, в том числе и великих мастеров художественного слова.

Вургун враг всякой нивеллировки жизни, всякого насилия над реальной действительностью. Его философская лирика направлена к реальному и правдивому изображению жизни и человека. Вургун не мыслит себе жизни без человека.

Человек—это все. Он властитель земли,
Без него и заря не горит с вышины.
Цель искусства—душа. Только тронь,и вдали
Откликается мир звону каждой струны.

В диалектическом единстве человека и жизни—сущность всего бытия. Человек без жизни и жизнь без человека—это пустой звон для поэта.

Наш долг один — священен он.
Наш путь один — другого нет.
Поэт вне жизни—не поэт,
Поэт вне жизни — пустозвон.
Поэт был всюду чужаком,
Без родины и без гнезда.
Теперь светла его звезда,
Вся жизнь—его законный дом.

Читая стихи Самеда Вургуна, читатель знакомится с новой страницей жизни, поэт, как бесконечный свиток развертывает жизнь перед взорами читателей, старается ничего лишнего, ничего нарочитого не внести в нее, не исказить об'ективную логику жизненных явлений. Некоторые поэты при бедности своей художественной аргументации, беспечно выдумывают, подменяя конкретное, реалистическое воспроизведение жизни ее приукрашиванием и лакировкой. Самед Вургун как художник—реалист призывает всех поэтов проникать своей наблюдательностью всюду, где возможно найти хоть малейшие признаки жизни. Не только в указанных выше стихах, но во всех своих произведениях он предоставляет слово самой жизни. Реализм, жизнерадостность и правдивость придают поэзии Самеда Вургуна—многозначительность, содержательность. Его поэзия имеет неоспоримо большое идейно-воспитательное значение.

Философская лирика Самеда Вургуна ничего общего не имеет с отвлеченным беспристрастным морализмом. Поэт никогда не становится в позу морализующего наставника. Это —лирика яркого, пламенного жизнеутверждающего оптимизма, лирика борьбы и бодрости, лирика сокровенных человеческих чувств. Не отдельные стихи, а все поэтическое творчество Самеда Вургуна пронизано поэтической мыслью. Такие его замечательные стихи и поэмы, как «Сталин», «Привет Вождю», «Песня счастья», «Свободное вдохновение», «Талыстан», в которых со смелостью зрелого мастера художественного слова он ставит и разрешает проблемы большого, идейного и общественно-политического значения, являются лучшим доказательством сказанного.

К числу волнующих поэта проблем общественного бытия относятся такие вопросы, как бессмертие, счастье, мораль, человеческие отношения, любовь и дружба. Эти проблемы не чужды были философской лирике величайших азербайджанских классиков. Литература, искусство и научная мысль каждой эпохи и каждого культурного народа неизменно выдвигали и по своему разрешали эти вопросы. Революционная эпоха, вкладывая в эти понятия совершенно новое содержание, выдвинула их на первый план и потребовали нового их разрешения.

Самед Вургун, как передовой советский поэт, также дал ответ на эти проблемы. Лукавое мудрствование о долговечности жизни, о священной любви, о чистоте человеческой морали — чуждо лирике Самеда Вургуна. Он без эффектных жестов, без всякой туманности, просто и ясно говорит об этих сложнейших философских проблемах. Достаточно с него одной простой фразы, даже одного неожиданно высказанного слова, чтобы читатель без особой трудности понял его.

Поэзии Самеда Вургуна чужда всякая ограниченность и условность. Его поэтическое вдохновение всюду находит живой источник. Взор поэта метко схватывает в каждом явлении характерные черты нашей жизни. Вургун обладает удивительным даром обобщения.

Строгой требовательностью и взыскательностью к себе, исканием новых поэтических возможностей, пафосом оптимизма и революционной романтикой характеризуется все поэтическое творчество Самеда Вургуна.

Для Вургуна поэзия никогда не служила самоцелью, она являлась острым средством выражения нового идейного содержания, при этом он всегда стремился в соответствии с

новыми задачами, с новым содержанием придать своей поэзии свежесть, новизну, гибкость, обновляя старые формы, создавая оригинальные, присущие только его творчеству, приемы формального мастерства.

Вургун пришел в азербайджанскую поэзию как поэт-новатор. Новаторство Самеда Вургуна всегда вытекало из его нового отношения к действительности, оно основано на его новом понимании задач советской литературы, оно питается живительными соками реализма и народности, всегда направлено на то, чтобы содержание его поэзии стало возможно более доходчивым, убедительным и впечатляющим, чтобы заразить читателя новыми чувствами и мыслями.

Как народная, так и классическая поэзия своими лучшими образцами оказывала большое плодотворное влияние на творчество Самеда Вургуна. Влияние поэзии великого Вагифа, Закира, Ведади на Вургуна несомненно. Оно играло направляющую роль в творческом становлении и росте поэта. Но это влияние далеко от слепого следования классическим образцам.

Органическая связь с жизнью, понимание новых задач и новых требований эпохи придают новаторству Самеда Вургуна действенность и значимость. Это—не новаторство формы или содержания, а новаторство всей сущности его поэзии.

Отсюда вытекает та борьба поэта, какую он вел и ведет со всякими попытками псевдоноваторства.

Духом социалистического гуманизма пропитаны стихи Самеда Вургуна. Пафос героической борьбы народа за счастье, радость достигнутых побед поднимают дух бодрости и оптимизма поэта, делают его стихи более действенными, активными и волнующими. Оптимизм — неот'емлемая, органическая часть творчества Самеда Вургуна. Это—оптимизм поэзии социалистического реализма, оптимизм — «социального героизма»—как сказал великий Горький.

Личная тема и тема социалистической революции в поэзии Вургуна неразрывно связаны. Тема революции стала личной темой Самеда Вургуна. Несмотря на кажущуюся суб'ективность, творчество его сугубо об'ективно. В нем ясно слышится голос живого человека—человека советской эпохи.

Лирика Вургуна искренна и задушевна. Его лирические стихи не нужно расшифровывать и об'яснять. В них надо только вслушиваться, их надо чувствовать.

Лирика Вургуна отличается мягким юмором и иронией. В таких его стихах, как «Вспомнил», «Поговорим», «Нежная барыня», одна из этих особенностей незаметно сме-

няется другой. В лирических стихах Вургуна можно заметить его особую близость к обаятельной поэзии Вагифа.

В своих лирических стихах Самед Вургун стремится к максимальной четкости, музыкальности и художественности литературного языка.

Любовь к человеку, к своему народу у Вургуна при всей своей классовости — интернациональна в самом широком смысле этого слова. Самеду Вургуну свойственны подлинный пролетарский интернационализм, безграничная любовь ко всему трудящемуся человечеству. Гуманизм и интернационализм поэта насквозь пропитаны ненавистью к врагам народного счастья.

Вдохновение мое, навсегда запомни так:
Враг народа моего—это мой заклятый враг

— эти пламенные строки очень ярко отражают характер патриотизма Самеда Вургуна.

Созидательный, коллективный труд, дружба и братство народов великого Советского Союза по праву вызывают у поэта гордость за все человечество. В этой интернациональной сплоченности народов он находит ключ к светлому и счастливому будущему всего трудового человечества. В таких его стихах, как «Ингер, амханаго, йолдаш», «Агсаккал нашей поэзии», «Рот фронт», «Кресло смерти», «26» и друг., чувство гордости братством народов СССР, выражено в искренних и вдохновенных строках:

Хочу чтоб мой Баку, где в каждой жиле—нефть,
Направил на восток светильник свой зажженный,
Чтоб там, вдали от нас народной массы гнев
Разрушил навсегда царей и шахов троны.
Хочу, чтоб мир весь ярко осветили—Загэс и Нафталан...
Чтоб перед мощной силой СССР склонился низко враг,
Чтоб он почувствовал, как мы чеканим шаг.
Чтоб грохот поездов в ущельи Делижана,
Потоков горных шум глушил бы постоянно.
И чтоб еще теснее Союз республик стал,
Йолдаш Азербайджан, ингер Аястан,
И амханаго кызыл Гюрджистан.

Эти полные лирической проникновенности строки, взятые из его стихотворения «Ингер, амханаго, йолдаш», прекрасно характеризуют лирику Вургуна, посвященную этой теме.

Равноправие и дружба народов, создающие чудеса героизма, свобода и счастье советского народа и торжество социализма, вызывают в творческом сознании Вургуна величественные образы вождей мирового пролетариата — Ленина и Сталина. В этих образах поэт художественно воплощает величие идей революционной эпохи, пламенную любовь и преданность свободолюбивого азербайджанского народа к организаторам его побед и счастья, к освободителям всех народов от векового гнета, к вождям социалистической революции Ленину и Сталину, ленинизму и партии большевиков.

О Ленин наш! К тебе в сердцах таится вечная любовь,
И имя славное твое гремит над миром вновь и вновь.
Азербайджанец с древних гор, из южных цветников грузин,
Бурят из северных лесов, с яйлагов бархатных — лезгин,
Туркмен, гарцуя на коне, с клинком сверкающим в руках,
С пространств, покрытых ковылем, бескрайних—как моря,—казах,
Со всех сторон идет народ, все к мавзолею держат путь:
У всех людей по всей земле горит желаньем грудь...

«Ленин жив», «Привет Вождю», «Сталин», «Сталинский закон»—замечательные образцы азербайджанской советской поэзии. Эти стихи занимают почетное место во всей советской литературе.

Стихи Самеда Вургуна о Ленине и Сталине так же, как и стихотворения Маяковского, созданы пламенным горением души, глубокой искренностью и вдохновением. Они оригинальны и своеобразны. В них звучит голос миллионов, бьется пульс многомиллионного народа, они заражают читателя чувством гордости, радости, страстью жизни и борьбы, формируют его сознание, возбуждают в нем новые и светлые мысли и чувства.

Воссозданию образа великого **Сталина** на широком художественном полотне Самед Вургун посвятил прекрасное драматургическое произведение в стихах «Ханлар», которое ярко свидетельствует об огромном идейно-политическом и художественном росте поэта. Оно является первым удачным шагом в области создания образа Вождя в азербайджанской драматургии и поэзии. Политическая заостренность, художественное своеобразие и эмоциональная действенность ставят это

произведение в один ряд с лучшими драматургическими произведениями, посвященными сталинской теме.

Со смелостью большого художника взялся Вургун за эту необычайно ответственную и почетную задачу и разрешил ее с несомненным успехом. В основу своего произведения поэт положил один из самых волнующих эпизодов истории революционного движения в Азербайджане — борьбу бакинского пролетариата под руководством молодого Сталина и большевистской партии против царского самодержавия, против буржуазии и меньшевиков.

Образ великого Сталина, образы его соратников—Азизбекова, Шаумяна и Ханлара поставили Самеда Вургуна перед необходимостью, совершенствуя свои поэтические средства, подняться на высоту художественной правды, отказаться от слепого документализма.

Образ великого Сталина помог Вургуну осознать и глубоко осмыслить почетное звание советского писателя, расширить представление о работе советского поэта.

Только безграничная любовь к родине, к народу, к партии и его великим вождям—могла поднять Самеда Вургуна на уровень его темы, дать ему возможность глубоко проникнуть в образ Сталина.

Как образ Вождя, так и образы его соратников прочувствованы Вургуном глубоко и вдохновенно. Это чувство и глубокое осмысливание этих образов открыли поэту возможность дать философское разрешение своей темы.

Алексей Максимович Горький, характеризуя своего великого друга И. В. Сталина, в одной из своих статей писал: «Отлично организованная воля, проницательный ум великого теоретика, смелость талантливого хозяина, интуиция подлинного революционера, который умеет тонко разобраться в сложности качеств людей, беспощадно бороться против тех, которые мешают первым развиться до предельной высоты—поставили его на место Ленина» («Правда социализма»). Вот таким непоколебимым революционером и мудрым руководителем народа представлен Сталин в пьесе Самеда Вургуна.

С большим драматургическим и поэтическим мастерством показывает Самед Вургун Вождя в новом аспекте, в национальных условиях колониального Азербайджана.

Как живые встают в пьесе волнующие образы Азизбекова, Шаумяна, Ханлара и его матери. «Ханлар»—сугубо партийное произведение — произведение глубоких и смелых размышлений. В нем поэту удалось выразить пламенную любовь

азербайджанского народа к великому вождю народов товарищу **Сталину**. Вот почему «Ханлар» пользуется большой любовью и уважением широких трудящихся масс Азербайджана.

Самед Вургун своей поэтической чуткостью и прозорливостью, искренностью и пламенной любовью к народу, преданностью партии большевиков, умением в глубоко волнующих художественных образах выразить идеи и чувства великого советского народа заслуженно занял почетное место в нашей советской поэзии и стал одним из самых любимых и популярных поэтов советского народа.

НАРОДНАЯ ДРАМА „ВАГИФ"

Азербайджанский драматический театр имени Мешади Азизбекова непрерывно и уверенно расширяет свой репертуар, обогащает свой художественный стиль.

Нынешний сезон особенно интересен в театре имени Азизбекова.

В начале года я видел в этом театре два значительных спектакля: комедию классика азербайджанской драматургии Мирза Фатали Ахундова «М-сье Жордан и дервиш Месталишах» и народную драму в стихах поэта-орденоносца Самеда Вургуна. Эта драма называется «Вагиф». Если в классической комедии Ахундова театр показал свой комический талант, то в пьесе Самеда Вургуна — драматический.

Кто такой Вагиф? Лучший поэт Азербайджана, живший в XVIII веке (1717-1797), он вошел в сознание масс не только как певец народной печали и радости, но и как крупнейший политический деятель, борец против феодалов за прогресс и культуру Азербайджана.

В глухих азербайджанских селениях до сих пор о Вагифе поют песни. О поэте Молла Панах Вагифе, родившемся в селении Кырах-Салахли, вблизи Казаха, о мыслителе, философе Вагифе, чьи изречения прочно вошли в быт азербайджанского народа, можно слышать такую поговорку: «Не всем ученым быть Молла Панахом».

Молла Панах Вагиф еще и тем близок народу, что он сам вышел из народных низов: он родился в бедной семье.

То, что поэта звали молла Панах Вагиф, вовсе не значит, что он был духовным лицом. «Молла» звали тогда всякого ученого. А Вагиф—псевдоним: это значит — знающий, сведущий человек. Вагиф говорил: «Великие люди находятся в несчастьях и бедствиях, а низкие люди находятся в почете. У кого есть золото, у того нет щедрости, а у щедрых людей нет золота. Я не видел в мире совершенной справедливости, я не видел в делах достойной законности».

С годами поэт и учитель Вагиф приобрел огромную популярность в народе. Его лирические стихотворения, написанные в форме ашугских песен, распевались везде и всюду. Народ любил Вагифа, любил его школу, которую он открыл в Шуше. Карабахский хан Ибрагим-Халил-хан, видя популярность поэта, приблизил к себе Вагифа и назначил его своим везирем.

Вагиф отдает все силы на то, чтобы сделать свой народ более счастливым, избавить его от нашествия иноземцев, установить дружбу с соседними народами.

Вагиф ориентировал хана на связь с Россией, ездил в Тифлис, чтобы заключить союз с грузинским княжеством, всячески боролся против попыток персидского шаха овладеть Карабахом.

Понятно, что когда иранский шах Ага-Мамед Каджар завладел на короткое время Карабахом, Вагиф был отстранен от везирства и заключен в темницу. Вагифа ожидала казнь. Но в ту же ночь—исторический факт — шах был убит, и Вагиф был спасен. Но Мамед-бей Джеваншир, воспользовавшись замешательством, наступившим после убийства иранского шаха, завладел карабахским престолом. Он также ненавидел свободолюбивого поэта. По приказу хана Мамед-бея Джеваншира, Вагиф вместе со своим сыном были убиты. 1797 год—год гибели 80-ти летнего старца Вагифа.

Азербайджанский поэт Самед Вургун решил изобразить в стихотворной драме, вернее в драматической поэме, этот период жизни азербайджанского народа.

В последнее время у нас много—и не напрасно—спорят об исторической и художественой правде.

Немало у нас драматургов, готовых во имя неправильно понятой актуальности «перелицевать» историю с точки зрения узко понятой злободневности. Они бесцеремонно искажают историческую правду. Вред, наносимый подобными драматургами, очевиден: они лакируют историю, загоняют ее в узкие рамки заранее приготовленной схемы, неправильно ориентируют зрителя. Они сплошь и рядом создают неправильное впечатление, что будто победы легко давались народу. Поверхностное, примитивное понимание народной силы и народного оптимизма!

Писателям-лакировщикам невдомек, что победы народу давались очень трудно, стоили больших жертв, что история всех народов, в том числе и советских народов до Великой Октябрьской социалистической революции, полна горя, слез и

крови. Такие писатели смешивают конечную победу наших народов, начало которой положено в 1917 году, с теми частичными победами, которые народу удавались иногда одерживать в прошлом. Иногда писатели делают это из хороших побуждений. Но хорошего от этого получиться не может: факты искажаются, желаемое выдается за сущее.

«Перелицовывая» историю, писатели смещают перспективу, стирают грани между историческими эпохами и тем самым искажают не только историческую правду, но и современную действительность. Создается ложное представление о том, что будто грядущие победы достанутся нам легко. Не стоит доказывать, что подобного рода «исторические» произведения не только антиисторичны, но и антихудожественны.

Самед Вургун вовсе не следовал пунктуально историческим событиям. Задача художника, конечно, отличается от задачи историка и тем более летописца. Она значительно выше. Художник должен быть в своем роде и историком, и философом,—он должен образно и картинно изображать то, что историк и философ выражают логически. У истинного передового художника прогрессивная тенденция заложена глубоко в самом произведении и соответствует правде жизни. Она чужда какой-либо внешней тенденциозности.

Художник имеет дело не столько с самой историей, сколько с философией истории. Ясно, что, выбирая основное и типическое в той или иной эпохе, избирая об'ектом своего изображения тот или иной исторический характер, художник обязан не искажать общего хода событий, направления исторического процесса в целом. Художник должен иметь верную историческую концепцию, честно изображать события и факты, но не следовать им слепо, механически копируя историю. Что касается исторических характеров, то, изображая их, художник также обязан бороться с фотографичностью. Он может наделять исторические характеры теми чертами, которые углубляют правильное понимание исторического процесса в целом, участие и влияние на эти события отдельных исторических лиц.

Самед Вургун не преследует цель изобразить всю эпоху в целом и следовать с абсолютной точностью историческим событиям. Его задача уже. Вернее, он ставит себе более обширную, поэтическую задачу: показать важнейшее—борьбу народа против феодализма и против нашествия чужеземцев.

Недостатки драмы не в том, что Самед Вургун изобразил ряд событий иначе, чем они случились на самом деле. Ска-

жем, исторически неверно изображены гибель Ибрагим-хана и иранского шаха Ага-Мамед Каджара. Самед Вургун далее слишком революционизировал образ Вагифа. Далее: Самед Вургун изображает дело таким образом, что из апофеоза может создаться впечатление о давно достигнутой окончательной победе народа, в то время когда он добился лишь временной, частичной победы. Самед Вургун поставил себе задачей показать трагическую гибель Вагифа и его сына. В драме «Вагиф» они остаются жить. Все это так. Не в этом, повторяем, основная слабость драмы. Поэт имел право, не искажая общего хода исторических событий, выделить, подчеркнуть именно то, что больше подходит к идее его пьесы. А общая идея верна.

Слабость, недостатки пьесы начинаются там, где автор вступает в конфликт со своей собственной концепцией. Автор не избег некоторых ошибок, о которых мы говорили выше. Многочисленные баталии неизбежно кончаются победой народа. Слишком легко устанавливается союз между карабахскими, грузинскими и курдскими повстанцами. В этой пьесе со сложной, запутанной интригой герои всегда и неизбежно в самую последнюю минуту избегают смертельной опасности: так спасаются Вагиф с сыном, так спасаются грузинские пленники, причем каждый раз, когда гибель героев кажется неминуемой, на сцену выступает внезапно вспыхивающее восстание или другой мало об'яснимый с точки зрения общего хода событий случай. Повторяем: в пьесе слишком много случайностей, в то время когда общий ход событий, эпоха, место действия, характеры, избранные Самедом Вургуном, не нуждаются в подобных случайностях, для того, чтобы подчеркнуть их драматизм. В пьесе слишком много того, что давно названо в драматургии «Deus ex machina» А «Вагиф» как раз в этом не нуждается.

Основной недостаток пьесы Самеда Вургуна в том же, в чем мы видим недостатки многих наших пьес: в стремлении облегчить драматизм событий, в стремлении дать обязательно победный, фанфарный апофеоз. Монументализм покупается в этом случае ценой потери глубины в изображении характеров. А потеря в изображении характеров возмещается количеством баталий и так называемых «массовых сцен». Это центральный недостаток пьесы Самеда Вургуна, талантливого, думающего поэта.

Я нарочно остановился подробней на недостатках пьесы, чтобы иметь возможность подчеркнуть, что, несмотря на эти

недостатки, драма и спектакль «Вагиф» все-таки являются выдающимся событием в советской драматургии и театре.

Я остановился на недостатках потому, что ни Самед Вургун, ни театр им. Азизбекова не нуждаются в скидках.

Я это сделал потому, что в драме Вургуна замечательные стихи, подлинное поэтическое чувство. И мне хотелось бы, чтобы эта поэзия стучала еще громче в наши сердца. Мне жаль, что Самед Вургун отдал дань внешним эффектам...

Театр имени Азизбекова до последнего времени успевал преимущественно в постановке бытовых пьес. Предсказывали неудачу в постановке «Вагифа». Сомневались, под силу ли будет молодому коллективу высокая поэзия «Вагифа», изображение того пафосного романтизма, который присущ пьесе, несмотря на отмеченные мною недостатки.

Одной из важнейших особенностей драмы «Вагиф» является ее эпиграмматичность.

Беседует ли Вагиф с карабахским ханом, состязается ли он в песнях со своим другом поэтом Ведади, стоит ли он перед лицом шаха, разговаривает ли он с повстанцами, каждая его фраза, каждая реплика—это поэтически выраженный философский афоризм. Мы чувствуем в драме Вургуна глубокое знание старой культуры. Вургун знает стиль древней поэзии, высокую поэзию карабахского поэта Вагифа. Культура поэтического языка Вургуна высока. Отточенные мысли выражены в ряде мест с предельной поэтической лаконичностью.

В репликах героев Самед Вургун избежал ложной выспренности, ходульности и слащавости, присущих многим произведениям восточной поэзии. Поэт избежал и экзотичности. Но в построении пьесы, в сюжете и фабуле он оказался в высшей степени неэкономным.

Самед Вургун был вдохновлен глубоко поэтическим образом Вагифа. Надо радоваться тому, что центральный герой—самый удачный образ в пьесе.

Зал отвечает аплодисментами на многие реплики поэта Вагифа. Они остры, как кинжал. Быстрокрылые, они высоко поднимают мысль. А мысль Вагифа прозрачна и свежа, как прозрачен и свеж предрассветный воздух Карабаха.

Вместе с другими зрителями сидел я в зале, наэлектризованный, напряженно следя за тем, что совершалось на сцене. Меня тянуло еще и еще раз смотреть этот спектакль. И я охотно поддавался своему чувству.

Бакинский корреспондент «Советского искусства» закончил свою корреспонденцию следующими словами: «Каждый, кому довелось видеть «Вагифа», надолго сохранит память об этом ярком героическом спектакле».

Я решил «остыть» и писать об этом спектакле, когда пройдет первое чувство восторга. И теперь я охотно подтверждаю слова корреспондента.

С той же свежестью, что и в первые дни, после того как я видел этот спектакль, передо мной встают картины героической борьбы азербайджанского народа.

Попытаюсь отметить то, что меня больше всего радует и огорчает в этом спектакле.

Предупреждаю читателя: спектакль глубоко впечатляет, несмотря на то, что несколько громоздок; несмотря на то, что талантливый режиссер Адиль Искендеров не помог поэту Самеду Вургуну сделать пьесу «собранней»; несмотря на то, что в 11 картинах монументального спектакля больше 30 ответственных ролей; несмотря на то, что большинство этих ролей поручено молодым актерам театра.

Смелость, дерзание, поэтическая одухотворенность победили частные ошибки и недостатки этого замечательного спектакля.

Отдельные картины запечатлеваются как монументальная скульптура. Другие — как освещенный вспышкой молнии ночной пейзаж. Такие картины запоминаются надолго.

Вот я вижу карабахское селение, маленький домик мудрого, старого ашуга Ведади (арт. Али Курбанов). Приехал желанный гость Вагиф (арт. Алескер Алекперов). Сердечно беседуют друзья. Встает молодая луна, подымается над горными вершинами Карабаха.

Поэты наблюдают полет журавлей. Они вдохновенно импровизируют стихи. В их руках сазы, а крылатые слова уносятся ввысь, вслед за журавлями.

Напутственные слова, обращенные к журавлям, уносят зрителя в далекое прошлое...

Вагиф и Ведади уже в самом начале предстают перед нами как одухотворенные, бессмертные образы азербайджанского народа.

Во второй картине—начало трагического конфликта. Пир. День свадьбы Алибека, сына Вагифа (арт. И. Дагестанлы). Музыканты играют на сазах и тарах. Поет певец. Слушают женщины, сидящие наверху в закрытой инкрустиро-

ванной галлерее. Гордой походкой, высоко подняв голову входит Вагиф.

Молодой актер А. Алекперов, которому с некоторой опаской поручили роль Вагифа, сразу захватывает внимание зрителя. Вы видите в Вагифе не только великого поэта, но и друга народа. В этой картине ни свадебная церемония, ни музыканты, ни прибаутки ханского шута и никакие другие обстоятельства не вытесняют центральной фигуры спектакля —Вагифа.

Замечателен момент, когда Вагиф поднимает покрывало невесты. Свадебный кортеж шумно приблизился ко дворцу. Приветственные крики. С шумом вваливаются музыканты. Играют флейта и зурна. Величественно и нежно приветствует Вагиф невесту своего сына Алибека (арт. Сона). Произносит отцовское поэтическое слово. И здесь же, после того как невесту осыпают конфетами, разыгрывается первая драматическая сцена: хан велит арестовать пастуха Эльдара (арт. Санани, Афганлы), друга Вагифа, осмелившегося притти на праздник и принести свой скромный подарок—горного барана.

«Разве место чобану здесь?»—возмущенно спрашивают придворные.

«Он мой друг»,—отвечает Вагиф.

А Эльдар бросает в лицо вельможам резкие слова.

И Вагиф не выносит упреков хана.

Высоко поэтичны слова Вагифа, обращенные к его другу, поэту Ведади. Вагиф говорит о дружбе, о людях, о силе простоты.

Самед Вургун и режиссер Адиль Искендеров переносят нас затем в другой мир. Спит Ибрагим-хан (арт. А. Герайбейли). Входит шут, бренча колокольчиком, привешенным к высокой шутовской шапке. Образ смелого и умного шута запоминается надолго. Этот шут не глуп, как и десятки других шутов в выдающихся пьесах мировой драматургии. Но этот шут, кроме того, еще и карабахский весельчак, здоровяк, понимающий толк в жизни. Он не просто передразнивает Ибрагим-хана, а высмеивает его, говорит о нем крепкими, солеными словами народных пословиц. Интересен момент, когда шут предупреждает Ибрагим-хана о готовящемся нашествии персидского шаха Ага-Мамед Каджара.

Можно и нужно упрекнуть Самеда Вургуна и Искендерова в чрезмерном нагромождении мелких событий, в калей-

доскопичности. Но истинно поэтическое чувство взяло верх. И когда мы видим словесный поединок Вагифа с Ибрагим-ханом, художники опять покоряют зрителя. Вагиф говорит о необходимости дружбы с Россией, об угрозе нашествия иранского шаха. А предатель—шейх шепчет на ухо хану ядовитые слова клеветы. Шейх Али плетет свои интриги против Вагифа...

И мы чувствуем, что над Вагифом нависла гроза.

Художники переносят нас в дом Вагифа, в котором все устроено со вкусом, без пышности. Как бы подчеркивается величие и поэтичность всей жизни Вагифа, скромность и сердечность, царствующие в его доме.

Приехала из деревни мать жены Али-бека—Гюльнар (арт. Амина): сидит старая крестьянка на ковре, поглаживает ладонью старым, привычным, крестьянским жестом край ковра. Ведет сердечную беседу с дочерью.

Артистка Амина создает замечательный образ азербайджанской крестьянки, простой, скромной и гордой. Она привезла свои незатейливые подарки молодому своему зятю Алибеку, но она отказывается жить в этом доме и предпочитает ему свою крестьянскую хижину.

Этой женщине—крестьянке как бы противопоставляется образ жены Вагифа. Сидит Хураман — жена Вагифа. (арт. Фатьма Кадри). Жалуется на свою судьбу. Вагиф избегает богатства. Вагиф, ей кажется, мало занят ею. Внутренне сопротивляясь, она на миг поддается уговорам людей, подосланных Ибрагим-ханом. Искушение велико. Сладкие слова произносит старуха-сводня. Благословение произносит шейх «Так угодно аллаху! Скорей, скорей! Тебя ждет Ибрагим-хан!»

Сцена, в которой Хураман просит прощения у Вагифа, глубоко волнует зрителя. Хураман просит прощения, но Вагиф отвергает ее. Рыдая, уходит Хураман.

Досадно, что в этой сцене ни поэт, ни режиссер не экономны в выражении чувств. Не нужен большой монолог Вагифа, жалующегося на свою судьбу. Не нужен порыв Алибека, желающего убить Хураман. Не нужен второй монолог Вагифа.

Не случайно талантливый артист Алекперов не находит здесь соответствующих интонаций. Меня не убедил плач в голосе Вагифа. Меня не убедили в этом месте стихи Самеда Вургуна. Здесь благородство Вагифа подавлено выспренностью стихов. Вагиф говорит самому себе слова сожаления.

В голосе—слеза. Затем он опускается на пол, садится за низенький столик писать.

Я не вижу здесь мотивировки поступка: слишком много нагромождений. Я лучше понял бы переживания Вагифа, если бы он здесь меньше говорил. Я лучше понял бы его, если бы он без монолога сел писать, желая в стихах излить свое горе. Я не воспринимаю человеческого горя сквозь выспренние монологи...

Поэт и режиссер перебрасывают нас в лагерь иранского шаха Ага-Мамед Каджара (арт. Сидги Рухулла). В середине лагеря—палатка. Мы слышим песню пленницы Тамары. Мы видим пленных грузин. Шах Каджар подходит к Тамаре, хочет обнять ее. Мы слышим садистический крик и видим бессилие скопца Каджара. Он остается один. Артист Сидги Рухулла здесь замечательно играет Каджара. Рисует до жути страшный образ восточного властелина. Как контрастируют с нашим представлением о Каджаре слова его везира: «Все слова твои—истина, шах!»

Артист М. Марданов, превосходно исполняющий роль шахского везира, дает нам возможность понять быт шахской челяди, воздух, которым дышит эта челядь. «Все твои слова, шах, истина!»—это рефрен везира. Этот рефрен напоминает о том, что осмеливающихся возражать шаху ожидает гибель. Шах Каджар сравнивает себя с Тимуром и Чингиз-ханом...

Насколько артист Сидги Рухулла хорошо изображает Каджара—садиста и жестокого повелителя, настолько слабо он изображает шаха—государственного деятеля. Образ Каджара рисуется Сидги Рухуллой несколько однолинейно. Хотелось бы, чтобы артист играл немного более сдержанно. Даже упоенный победой над карабахским ханом, он много суетится, много кричит.

Надо было изобразить Каджара не примитивным злодеем, а многоопытным коварным восточным властелином, обезумевшим от потоков пролитой крови.

Если бы шах Каджар в изображени Сидги Рухуллы вообще чуть меньше кричал, мы больше верили бы его ярости по поводу письма Вагифа.

Вагиф писал шаху (5-я картина):

Получили твое письмо, Мамед Каджар,
Там, где сокол летит, сова лететь не будет...

Пусть огонь до тла испепелит нас,
Перед тираном не унизится народ...
Не наступай ногой на нашу землю—
Змея и скорпион на ней любви не встретят.

Ярость шаха по поводу этих слов Вагифа понятна. Но она выступила бы еще рельефнее, если бы артист Сидги Рухулла не играл все время одну ярость и садизм.

Итак, хан Ибрагим против Вагифа, иранский шах против Вагифа. Тучи сгустились над головой поэта.

В шахском лагере нагромождено много событий. Тут и восстание солдат, тут и дуэль братьев — плененных грузин, которых шах Каджар заставляет драться на кинжалах, тут и бегство грузин из плена. Много событий совершается в лагере. Зритель переутомлен. И мы снова спрашиваем поэта и режиссера: зачем столько нагромождений?

Всего более запоминается письмо Вагифа шаху и поединок братьев. Сняли колодки и цепи с грузин. Шах велел им разойтись, начать поединок. Старший брат произносит слова прощания. Братья обнимаются. Но их отрывают друг от друга. Велят начать дуэль. Врывается пленница Тамара, становится между ними, подставляя свою грудь под кинжал. Этот момент потрясает.

Я бы убрал нагромождения в 5-й картине. Спектакль от этого выиграл бы.

Мы переносимся в лагерь повстанцев. Здесь художник спектакля Нусрет Фатуллаев дал волю своему воображению: живописная картина карабахских гор запоминается надолго.

Зритель видит единение курдских, азербайджанских и грузинских повстанцев, выступивших против иноземцев.

Я бы выкинул из 6-й картины сцену прихода обиженной старухи, жалующейся на партизан. Мы уже видели эту ситуацию в «Оптимистической трагедии» Вишневского.

Кульминацией спектакля является сцена встречи пленного Вагифа с шахом Каджаром.

Играла музыка. Извивались перед шахом танцовщицы. Играли кеманча, тара и бубен-гавал. Появление Вагифа, его словесный поединок с шахом напоминают о грозной силе народа.

В пьесе Ага-Мамед шах Каджару приписаны следующие слова: «В Карабахе надо сложить высочайшую башню из черепов и на ее вершину положить череп Вагифа». Но народ оказался сильнее, и скоро Ага-Мамеда не будет.

Образ Вагифа приобретает наибольшую убедительность в сцене встречи с шахом. Вагиф весь проникнут любовью к народу. Каждую острую фразу, брошенную в лицо шаху, зал встречает громом аплодисментов. И чем дальше, тем больше вырастает в наших глазах образ Вагифа.

Вот мы его видим вместе с сыном в темнице. Грустная музыка. Только что прощался с Вагифом поэт Ведади: «Я умру там же, где и ты»,—говорит старый ашуг. Одетая в черное, появляется Хураман, жена Вагифа. Вагиф отворачивается. Жена молит о прощении. Эту сцену актриса Фатьма Кадри проводит исключительно сильно. Она все настойчивее молит мужа о прощении. Вагиф отказывает ей: «Уходи, уходи»,—говорит он. Артист Алекперов, кое-где впадающий в декламацию, в этот момент нашел правильную интонацию. Но вот Хураман становится на колени. Здесь хотелось бы больше мягкости от Вагифа. Пусть он отсылает жену, но кричать он не должен. Меня покоробило то, что Алекперов здесь не говорит, а декламирует. Его декламация резко диссонирует с замечательной музыкой Сеида Рустамова. Хураман плачет, распростершись на полу. А Вагиф кричит: «Гет, гет! Уходи!» Подавленная, стоит Хураман у стены... Древний восточный плач под музыку. Уходит Хураман... Поэт, постановщик и композитор умело использовали древние традиции искусства.

Вагифа мучают угрызения совести. Он просит позвать жену, но ее уже нет в живых; она покончила с собой.

Насколько убедительна в этой сцене актриса Фатьма Кадри, настолько неубедителен Алекперов—Вагиф. Молодой артист должен преодолеть выспренность и декламацию. Больше человеческих чувств! Больше теплоты в выражении скорби, больше внимания ритму и музыке стиха Самеда Вургуна! Иногда артист Алекперов благородно сдержан, величественно спокоен. Но в 10-й картине опять много нагромождений. Масса событий больших и малых. Много случайных сцен. Хотелось бы, чтобы суровая мужественность, спокойная сосредоточенность и слова, произносимые Вагифом—человеком, понимающим, что его минуты сочтены и что остается сказать самое значительное, самое важное в жизни, а времени мало,—чтобы все это не было заслонено и отодвинуто на задний план калейдоскопом событий. И, словно желая удержать центральное место, Вагиф—Алекперов опять вдруг начинает декламировать. Зачем? Здесь Вагиф не должен кричать. Гораздо убедительнее именно в

этом месте поэт Ведади, готовый итти на казнь вместе с Вагифом. Вообще артист Али Курбанов, играющий роль Ведади, глубоко трогает. Замечательное человеческое чувство дружбы он выражает на протяжении всего спектакля с предельной искренностью.

Я нарочно не касаюсь батальных сцен. Описание и критика их заняли бы много времени. Некоторые батальные сцены совсем неудовлетворительны. Бессмысленно бегают по сцене несколько людей, размахивают бутафорскими мечами, падают задолго до выстрела, кидают друг друга в несуществующую пропасть. Неудобная площадка мешает верить тому, что на ней может разыграться настоящий бой.

Вообще массовые сцены, особенно батальные, наиболее слабое место спектакля. Культура массовых сцен низка. Режиссер и художник должны еще много работать. В спектакле есть еще ряд других недостатков. Я не имею возможности писать о всех недостатках. Вероятно, я не написал и о некоторых достоинствах. Сказать обо всем невозможно.

Я берусь утверждать, что, несмотря на все отмеченные недостатки пьесы и спектакля, это—настоящее произведение искусства. Но я беру на себя смелость указать драматургу и театру, что тот спектакль, который я видел несколько раз в начале сезона, может и должен быть сокращен. Его (так же как и пьесу) надо сделать собранней. Истинный драматизм—в простоте и суровой мужественности, в сюжетной ясности. Он не нуждается в излишних эффектах.

Путь, избранный поэтом и театром, в общем правилен. Но художникам еще надо решить задачу на вычитание. Самоограничение, может быть, наиболее важная и трудная задача художника.

Спектакль «Вагиф» должен прочно и надолго войти в репертуар театра. Именно поэтому спектакль еще нельзя считать законченным. Именно поэтому над ним надо продолжать работу.

(Журнал „ТЕАТР“ № 5, 1939 г.)

„ВАГИФ"

Когда одному из художников удается сделать что-нибудь настоящее, всем другим собратьям становится легче работать. Почему? Потому что подлинное художественное произведение—это всегда обобщение, а значит — и выход. Сознательно или нет, мастер в нем подводит итог до него еще неясно воспринимавшемуся общественному опыту; и типовыми характерами, образами, конфликтами выводит наблюдения своего века из мира частностей на большую магистраль исторических закономерностей. А вслед за ним, как за вожаком, начинают видеть эту магистраль и другие художники. Поэт Самед Вургун своей пьесой «Вагиф» создал именно такое подлинно художественное произведение.

Для героя своей пьесы он выбрал историческое лицо—знаменитого азербайджанского поэта XVIII века, чьи песни в народе еще живут, чей образ еще памятен, и чья биография еще волнует. Скудные данные этой биографии говорят о нем следующее: Молла-Панах Вагиф, уроженец Казаха, был ученым, философом, политиком, дипломатом и народным вождем,—и все это непосредственно, как поэт, то-есть силою своего слова и оружием своего стиха. Из нищеты и неизвестности он подымается до положения придворного тогдашнего карабахского хана, становится главным везиром (министром), советчиком и дипломатом, пишущим для хана официальные ноты и документы, по обычаю восточной дипломатии—в стихах. Эпоха Вагифа исключительно интересна. Азербайджан уже самостоятелен, вышел из-под власти Персии; ханства его—в непрерывной междоусобице; народ разорен, бедствует, начинает громко роптать, готов к восстанию. В борьбе азербайджанских феодов возвышается один из них, карабахское ханство, с центром в Шуше; но для того, чтобы ему устоять, нужна помощь соседей, нужна мудрая политика, потому что Карабаху грозят и соседние ханства, и новый персидский шах, и могучие соседи с севе-

ра, русские. Вагиф и становится проводником этой мудрой политики. Он едет в Тбилиси заключать союз с грузинским царем Ираклием, участвует в особом посольстве к Екатерине II с просьбой о помощи России против персов. Мы видим, таким образом, в Вагифе, как в свое время в Богдане Хмельницком, умного вождя, понимающего интересы своего народа и умеющего выбрать из двух зол меньшее, вместо нового иранского ига, столетиями душившего Азербайджан и в будущем ничего ему не сулящего, — власть русских, за которыми—культура и возможность развития. Вагиф так и вошел в историю с эпитетом «русофила».

Самед Вургун взял все политические коллизии этой эпохи не слепо, а широкой свободной рукой поэта. На узкой исторической площадке он расставил действующих лиц эпохи, сделав их собирательными, типовыми фигурами и с огромным мастерством обнажив настоящие, правдивые, исторические отношения между ними не как между отдельными людьми, а как между «силами» истории.

Его Вагиф — это большой, новый, эпохальный человек, светский, свободомыслящий, несмотря на звание «моллы», веротерпимый и во взглядах и в быту, именно такой характер, каким история открывает обыкновенно свою новую страницу. Чувственно любящий жизнь, реалист и практик, Вагиф восстает и против аскетизма, и против ислама, и против деспотии. Первая картина пьесы открывается встречей двух поэтов: Вагиф приезжает из Шуши в Казах к своему старому учителю Ведади пригласить его на свадьбу своего сына Алибека. Чудесными стихами, возвышенными образами двух поэтов вводит нас Самед Вургун в большую историческую драму. В первой же картине выступает и третье действующее лицо этой драмы—народ. Казахские крестьяне приходят в дом Ведади послушать Вагифа и принести ему жалобы; в этой близости народа к своему певцу, надежде на него как на заступника, мы узнаем знакомые черты совсем другого века и другого мира—осетинских крестьян в ауле вокруг приехавшего к ним Коста Хетагурова; лорийских крестьян, ходивших «за правдой» к Ованесу Туманяну; русских крестьян, со всех концов России паломничавших ко Льву Толстому. Вагиф и Ведади состязаются перед слушателями своими стихотворениями «Журавли» (типовая тема восточных поэтов). Надо сказать, что стихотворное наследство Вагифа Вургун использует в пьесе с большим тактом, но совсем не фетишистски, т. е. не придерживаясь его «буквы»: в конце пьесы,

например, он берет строки Вагифа, но приделывает к ним свою концовку, а в сцене казни, где Вагиф бледнеет, прощаясь с сыном, и шейх издевается над его бледностью, Вургун вкладывает в уста Вагифа знаменитый стих совсем другого поэта, Насими Имададдина, тоже сказанный им во время казни:

И солнце бледнеет, когда закатывается.

К основному конфликту драмы Вургун подводит зрителя исподволь. Сперва это — личные стычки, раздраженье, дворцовые происки,—легкий и светлый Вагиф, человек новой эры, проходит среди мракобесия и лицемерия, задевая шариат, вызывая нашептыванья шейха, злобу хана. Потом к личному примешивается общественное. Карабах под угрозой и Турции и персидского шаха Каджара, а хан в это время разоряет собственную страну; карабахские деревни пустеют, —крестьяне бегут в горы, к повстанцу Эльдару. Куда ни взгляни, всюду плохо:

Там Турция грозит, а здесь Иран,
Россия с севера шлет свой фирман.
Хотят мое могущество разрушить,
Никто мою не успокоит душу.
Не оторваться сердцу от венца.
Бегут из сел качаги без конца.
Растет в ущельях грозный стан
за станом...
Как быть?

Вагиф резко советует хану изменить внутреннюю политику. Тогда хан обвиняет его в измене; чтоб ранить поэта в сердце, подсылает старуху—сводницу к его жене, а убийцу-шпиона—в лагерь Эльдара. Тем временем приближается завоеватель Каджар, сжигая деревни и разрушая города. Мамед Каджар оскоплен в детстве. Он ненавидит все человечество и хотел бы залить кровью мир. Он умен, холоден, бесчеловечен, несчастен. Образ его, как и образ хана, Вургун дал тонко и без преувеличения, с высокой художественной правдивостью. В нашествии персов и в ответе страны на интервенцию и заложена главная тема пьесы. Хан, только что обвинявший Вагифа в измене, спасая себя, бежит из Карабаха. Шейх, подстроивший обвинение Вагифа в измене, спешит к Каджару и открывает перед ним ворота Шуши. Но повстанцы, униженный, разоренный, измученный,

согнанный с родной земли народ, поднимаются против Каджара и защищают родину своим телом, предваряя на Джедирском поле Карабаха то, что сделали во Франции коммунары с пруссаками, в двенадцатом году в России—крепостные крестьяне с французами, в наше время—красные войска с интервентами,—бессмертный подвиг единственно реального патриотизма, народного. Все коллизии пьесы и стягиваются и разрешаются в этой—главной.

Особенность драмы Вургуна еще в том, что «народ» представлен в ней вовсе не только повстанцами,—слово его слышно в каждой картине, он несет на себе буквально все действие, он говорит сквозь анонимов, сквозь статистов, сквозь фигуры, которые обычно в пьесах даются безымянными и ставятся лишь для прямого исполнения своей функции. Так, привратник—у Вургуна — самовольно открывает темницу, солдаты (сарбаз 1-й, сарбаз 2-й, без имени) ропщут, критикуют, восстают, чобан вмешивается в казнь и дубиной убивает палача. Даже шут, традиционно-дворцовая фигура, участвует в общем движении народа. Удивительно хорошо очерчены в пьесе эпизодические фигуры шахского везира и старухи—сводницы. У первого—готовая формула раболепия для каждого очередного хозяина:

О, справедливый властелин державы,
В себе соединил ты власть и право.

У второй—завораживающий, монотонный, заклинательный ритм шопоточка, каким она совращает жену Вагифа:

Как свежа ты, мой дружок,
Ты несорванный цветок:
Брови—кисточки черты,
Локоны твои густы.
Как фисташка, ротик твой,
Все склонилось пред тобой...
Мой ягненок, не спеши,
Слушай, жизнь моей души:
Для тебя у бабки есть
Драгоценнейшая весть!

Все эти образы—шейх, сводница, везир, хан, незнакомые в западной драматургии, давно уже стали для нас привычными в драматургии восточной. Мы их видели не раз на сцене, знаем их и по «Кер-оглы», и по узбекскому «Баю и

батраку», и по армянской «Алмаст», и по целому ряду других пьес. Но в «Вагифе» они достигли такой высоты обобщения и в то же время такой конкретной выразительности, что в них уже нельзя видеть условные схемы и шарж (как нам казались они при первом знакомстве с восточной драматургией), а настоящие, жизненно-реальные характеры.

Переведен «Вагиф» на русский язык тов. Гурвичем и переведен очень не плохо.

Несколько слов о недостатках пьесы. Первые ее картины сильнее последних. Два раза лагерь повстанцев и два раза ставка шаха Каджара—слишком утомительно для зрителя. Думаю, что с большой выгодой для пьесы ее можно было бы сократить до девяти картин вместо одиннадцати, слив повторные сцены у Эльдара и у Каджара, а сюжетно-необходимые мотивировки этих сцен как-нибудь перенеся в другие картины. Очень хорошо, что в историю вплетается у Вургуна народная легенда, но тут должна соблюдаться граница. Старик, опоясывающий Эльдара мечом Кер-оглы, а главное—внезапный страх перед этим мечом у Каджара (в XVIII веке!) кажутся нам чересчур искусственными и несерьезными. Ничего не потеряла бы пьеса, если б это было убрано. Вообще же Самеда Вургуна нужно поздравить с огромной победой, а нас — с прекрасным образцом советской драматургии.

(„Литературная газета“ от 16 мая 1940 года)

Мехти Гусейн

НАРОДНО-ГЕРОИЧЕСКАЯ ДРАМА

I.

Драма нашего талантливого поэта Самеда Вургуна «Вагиф» является ценнейшим вкладом в азербайджанскую литературу.

Успех нового произведения Вургуна является радостным фактом, свидетельствующим о все более растущем интересе нашего героического народа к его великому прошлому, о его глубокой любви к своим славным сынам, о чувстве великой гордости, с какой он вспоминает их. Драма «Вагиф» одновременно является яркой иллюстрацией мощного развития нашего родного языка и под'ема нашей литературы.

Вот почему мы, молодое революционное поколение Советского Азербайджана, расцениваем драму «Вагиф» как одну из блестящих побед в борьбе с заклятыми врагами, стремящимися всеми средствами противодействовать дальнейшим успехам азербайджанского народа в борьбе за коммунизм.

Нет надобности доказывать, что только великая партия Ленина—Сталина действительно борется за счастье нашего народа, только она с настоящей любовью подходит к его прошлому, что только она ведет последовательную борьбу с предателями и изменниками, попирающими интересы нашей родины. Вот почему мы, советские писатели, каждое наше достижение, каждую нашу победу расцениваем, как победу великой партии Ленина—Сталина.

Мы считаем необходимым дать должную оценку этому новому достижению нашей литературы, так как драма «Вагиф» безусловно вызвала не только интерес к художественному воспроизведению нашего прошлого, но служит также толчком к глубокому научному изучению истории Азербайджана. Приступая к анализу «Вагифа» в свете наших литературных достижений, надо сделать несколько предварительных замечаний.

Творчество великого Вагифа уже давно привлекало внимание многих из нас. И это было не случайно. Эпоха Вагифа представляет собой одну из самых ярких страниц истории Азербайджана. Исключительно интересная, богатая по своему содержанию, она до сих пор еще почти не изучена нами. Мы еще до сих пор не подошли по-марксистски к освещению этой эпохи и не сумели рассеять многочисленные легенды, созданные вокруг нее. Самед Вургун взял на себя эту трудную задачу. Базируясь на фактах истории нашего народа, он воскресил Вагифа и Ведади и художественно воспроизвел перед нами живую, яркую картину нашего далекого прошлого. Можно смело сказать, что попытка его увенчалась успехом. Несмотря на некоторые недостатки этой пьесы, Вургун сумел создать произведение, которое внушает нам чувство глубокой любви к прошлому нашей родины. «Вагиф» таким образом является в культурной жизни Азербайджана событием большого литературного и политического значения. «Вагиф» не является исторической драмой в узком смысле этого слова. «Вагиф» художественное воспроизведение целой исторической эпохи. Это верное изображение современной Вагифу исторической действительности.

Самед Вургун ярко показывает борьбу нашего народа за свою независимость и свободу и роль Вагифа в этой борьбе.

II.

Общая оценка критиков сводится к тому, что «Вагиф» —драма, изображающая героизм народа. Спорить об этом не приходится. Народ в лице своих лучших представителей играет такую значительную роль в произведении, что эта оценка критики вполне оправдывается. Однако, основная идея пьесы не всеми правильно понимается. По нашему мнению, драматург задался целью показать в этой героической драме, как тесно связано личное счастье человека с счастьем народа, к которому он принадлежит. Не случайно поэтому Вургун не показывает смерти Вагифа. Не случайно и то, что автор связывает в драме линию личной судьбы Вагифа с линией развития народного движения. Некоторые критики утверждают, что автор, развивая сюжет в трагедийном плане, не должен был завершить пьесу общим народным ликованием. Неверно было бы стать на такую точку зрения, поскольку драма не построена поэтом на судьбе отдельной личности. У Вургуна образ Вагифа является олицетворением

любви и преданности стране и народу. Автор ставил своей целью разрешить в историческом плане проблему любви и преданности родине. Всякий, кто внимательно читал пьесу и видел ее на сцене, должен притти к тому выводу, что личная трагедия Вагифа связана с настроениями, охватившими народные массы. Вспомните вторую картину, в которой расхождение, возникающее между Вагифом и Ибрагим-ханом, совершенно не носит личного характера. Появление на свадьбе Эльдара, игнорирование им хана—(он не отвешивает ему поклона), любовное отношение Вагифа к Эльдару—все это свидетельствует о конфликте, имеющем глубокие социальные корни.

Для иллюстрации приведем следующие слова:

ШЕЙХ—(Хану) Взгляни в глаза его. В них—кровь.
О, Хан!
Он на селе опаснейший смутьян.
ХАН—(Вагифу) Везир! На пир ты созвал чобанов?
ВАГИФ—Не ожидал подобных слов от хана.
ХАН—Не ожидал? На первом месте мы—ха-ха!
С дубиною посадим пастуха?
ВАГИФ—Эльдар—мой гость. Я с ним давно был дружен.
ХАН—Пред взором хана он на чорта нужен?
ВАГИФ—Ты в доме у меня, а он мой гость.
Гостям почет. Твоя напрасна злость.
ХАН—Он гость! Он гость! Окинь же гостя взглядом!
Должны сидеть мы с оборванцем рядом!
ВАГИФ—По платью не суди. Пастух простой —
Хранит он мудрость сказок. Чистотой
Поспорит сердце у него с алмазом.
Широкая душа и зрелый разум
Растут в народе только. Знай: дана
Ему и честь и совесть без пятна.
ХАН—Скажи мне, как тебе не надоело
«Народ, народ, народ» — твердить день целый?
ЭЛЬДАР — Не спорь, мой друг. Я ухожу.
ВАГИФ—Постой.
Моим владеет сердцем мир иной.
ХАН—Ступай! Кизяк топтать мужичья доля!
ЭЛЬДАР — Мой господин! Твоя да будет воля.

Но если б нищих не было крестьян,
От золота не бесновался б хан!
(Эльдар выходит. Слуги бросаются за ним.
Среди гостей замешательство).

ХАН — Не выпускать, живей! Схватить Эльдара!
В тюрьму его. Мою узнает кару...
(Вагифу) Ты им потатчик. Речь его дерзка.
Везир, не с твоего ли языка?

ВАГИФ—Ошибся ты. То голос нив и пашен,
Горящих деревень, чей жребий страшен.
Дерзит и богу человек порой.

Эта так просто и реалистически поданная сцена выявляет наличие непримиримых противоречий между карабахским ханом и народом в лице Эльдара. Параллельно с этим на почве симпатий Вагифа к народу вырисовывается конфликт между ханом и Вагифом, предопределяющий судьбу последнего. Отсюда начинается экспозиция драмы, раскрывающая быт народа на фоне глубоких социальных противоречий.

В словах Вагифа уже раскрываются в общих чертах движущие пружины будущей борьбы Эльдара. Этот диалог вскрывает перед нами и причину, побудившую Эльдара стать качагом, и положение Эльдара, и тяжелые условия жизни крестьянских масс. Таким образом, социальный конфликт скрещивается в драме с личным конфликтом, вернее, один дополняет другой. Эльдар в этой пьесе ведет другую линию —линию народного движения. Особенно интересно то, что Вургун связывает линию борьбы Эльдара с развитием драматической коллизии Вагифа, а в результате перед нами великолепная поэма народного героизма.

III

Вургун в своей пьесе создал ряд блестящих образов со всеми присущими им типическими чертами. Их можно разделить на две группы: одни—это толпящиеся вокруг дворца хана придворные, насильники, ненавистники свободы народа; другие — люди, непосредственно представляющие интересы народа. Перейдем к их характеристике.

Вагиф—это образ обобщенный, носящий в себе все характерные черты великих писателей Азербайджана. Даже в личной его судьбе и в судьбе Насими и Физули можно обнаружить сходные черты. Таким образом Самед Вургун рисует нам Вагифа не только как Молла Панаха, не только как историческую личность с характерными для него чертами, но

и как личность, наделенную лучшими качествами великих народных поэтов Азербайджана.

Вагиф не только поэт — лирик, поющий гимн красоте женщины, упивающийся живописными картинами природы, стремящийся «жадно прильнуть к источнику сладостей жизни», но в то же время и государственный муж, и тонкий дипломат, и любящий свою страну патриот, и глубоко чувствующий горькую долю своего народа и разделяющий его чаяния гражданин.

О, хан! Пускай в стране прозреют все.
Откроются мектебы, медрессе,
Пусть в них щебечут, словно птицы, дети;
Раскинутся дорог широких сети,
Пусть розами обсадят их края,
Пусть песнями украсится земля!

Эти слова великого поэта рисуют нам государственного деятеля, полного дум и забот о счастьи и благополучии народа. Вагиф был таким и в жизни. Вургун несомненно дает нам исторически верный образ великого просветителя эпохи. Особенно в моменты наиболее напряженной борьбы Вагиф предстает перед нами как человек громадного ума, как глубокий мыслитель. Достаточно вспомнить сцену встречи его с Мамед-шахом Каджаром. Мы полагаем, что это самое сильное место в драме. К сожаленью, приходится отметить, что слабые стороны произведения как раз в этом месте наиболее резко бросаются в глаза. С одной стороны — Вагиф блестящими афоризмами и меткими сарказмами, вызывающими шумное одобрение зрителей, обрушивается на врага, с другой стороны, иногда он прибегает к слабым и недостаточно действенным средствам борьбы.

Высмеивая физические недостатки врага, он этим снижает силу своих разящих слов. Однако, несмотря на эти минусы, перед нами цельный, законченный драматический образ.

Одной из характерных черт Вагифа является его внутренняя противоречивость, отражающая те противоречия, какими полна была вся его жизнь. В то время, как в ранний период своего творчества, к которому относится и стихотворение его: «Настал байрам, не знаю, как мне быть», а также в начале своего пребывания при дворе великий поэт создавал произведения, полные оптимизма,—после падения Карабаха Вагиф в стихотворении «Не видел я...», проникнутом мрачным пессимизмом, глубоко скорбит об изменчивости

жизни и превратности судьбы. Некоторые видят в этом произведении выражение случайных настроений, мимолетных переживаний. Мы считаем этот взгляд неправильным. Вагиф последние годы своей жизни действительно был пессимистически настроен, и Самед Вургун совершенно правильно представил образ Вагифа.

Влюбленный в жизнь, считавший весь необ'ятный мир своим, поэт к концу своих дней кончает грустным признанием:

Я на земле путей не видел правых:
В словах друзей пил горькую отраву.
Признанья и верности не встретил.
Вся наша жизнь — нелепая забава.
Добро и зло блуждают в мире слепо.
Достойным—гибель, недостойным—слава.
Скуп обладатель злата, щедрый беден.
Я смысла не нашел в земных уставах.

Но все-таки Вагиф несгибаем. Он внутренне непобедим. В борьбе с врагами победа всегда на его стороне, враги всегда чувствуют его внутреннее превосходство, его моральную силу. Он смело смотрит в глаза смерти. Над ним занесен уже меч палача, но он мужественно ждет удара:

Нет, не моли злодея, Ведади!
Ведь никогда пред вражескою силой
Своей главы отчизна не клонила

говорит он Ведади, обращающемуся к Каджару с мольбой о пощаде друга своего.

В чем художественная полноценность этого образа? В том, что Вургун в образе Вагифа сумел сконцентрировать лучшие качества нашего народа. Если Эльдар и Курд Муса проявляют эти качества в борьбе с оружием в руках, то Вагиф делает то же самое в идейной борьбе. Образ Вагифа поднят на высоту поэтического символа: подобно тому как родина, как отчизна его не склоняет головы перед захватчиками и жертвует для борьбы с насильниками своими лучшими сынами, так и Вагиф готов пожертвовать своей драгоценной жизнью: «Меня не пугает безвременная кончина»,—говорит он—и во весь рост встает он перед нами в своем спокойном величии.

Поэтому мы утверждаем, что поражение Вагифа это кажущееся поражение, моральная победа на его стороне. Гордый, величественный, он сохраняет за собой поле битвы.

Однако, в развитии образа Вагифа автором допущены некоторые ошибки. Мы уверены, что в процессе дальнейшей работы над пьесой Вургун сумеет устранить эти недочеты, поэтому надо конкретно указать их. Вургун в первой картине вкладывает в уста Ведади следующие слова:

Дворец — бушующее кровью море.
Лишь взгляньте на него, и в сердце горе.
Вагифа вспомни. Как был весел он!
Поэт на радость миру был рожден.
Теперь он хмур и в речи без конца
Лишь ужасы кровавого дворца.

Но в этой же картине Вагиф опровергает сказанное о нем Ведади:

Наш мир—загадка. Смысл ее глубок.
Печаль я не пускаю на порог.
Земную радость пью, как пьют шербет.
Меня встречает днем дворца привет,
Сойдет на землю ночь—я в тишине
Вверяю тайны звездам и луне.
...Что смертный без любви? Могильный остов!

Чьим же словам верить? Ведади не будет говорить неправду, но и Вагифа нельзя подозревать в лицемерии. Если кровавые дела, о которых Вагиф пишет своему другу, действительно имеют место за кулисами двора, то слова: «днем меня ласкает двор» звучат какой-то ложью, фальшью, но в этом противоречии виноват не Вагиф, не Ведади, а скорее всего автор.

Быть может, Вагиф здесь на что-то намекает. Быть может, он желает сказать не то, о чем он пишет, а о каком-то другом переживании.

Но в таком случае трудно раскрыть смысл последних приведенных нами строк.

Отмечая эти шероховатости, мы руководствуемся исключительно желанием добиться предельно четкой и ясной драматической линии пьесы. У Вургуна иногда встречаются разноречивые данные об определенном лице или каком—нибудь событии, и зрителю трудно бывает уяснить себе истинное положение. С точки зрения драматургической, такие моменты нарушают «единство действия».

Теперь обратимся к персонажам, окружающим Вагифа. Они недостаточно выпуклы, их речи недостаточно ярки.

Правда, образ Вагифа настолько ярок, настолько сам по себе полнокровен и динамичен, что не нуждается в оттенении со стороны окружающих его фигур. Вагиф во всем своем величии предстает перед нашими глазами, и мы невольно прощаем автору некоторые шероховатости его произведения.

Ведади — вторая ведущая фигура в пьесе.

Дружба и преданность — вот черты, характеризующие моральную основу этого человека. Любовь для него является высочайшим идеалом.

Ведади—натура сложная. Это—поэт-мыслитель, стремящийся постичь смысл жизни, задумывающийся над проблемой бытия и смерти даже во время совершения намаза. Он любит человека, он готов мир превратить в сплошной рай, чтобы легче дышалось человеку. Этот великий гуманист, обращая взоры ввысь, ищет там правды. Он верит в могущество аллаха и просит у него помощи людям. Ведади — полная противоположность своему другу. Вагиф реалист. Ведади — мечтатель-идеалист. Вспомним их идейные споры в первой картине. Эта сцена вскрывает различие в их мировоззрении, противоположность их философских взглядов.

Я друг парящим птицам.
Повсюду в мире гнезда для меня.
Особый с миром счет имею я.
В улыбке каждой я ищу привета.
Глаз у охотника да будет меток.
Смерть вероломная настигнет нас,
К концу влечет и злой и добрый час—

говорит Вагиф.

Мой сын! Поверь! Все в этом мире тленно.
Не доверяй обманчивой вселенной.
Будь справедлив, всегда добро твори.
«Бог милостив»—в дни бедствий говори—

наставляет Ведади.

Ведади религиозен. Он—воплощенная совесть. Для сочувствия и сострадания человеку бьется его горячее сердце. О человеке все его думы и заботы. Человек—это для него самое ценное в жизни. Он верит в человека, в его силы и возможности. Но в то же время он ясно видит, как несовершенно устроена жизнь и ,хотя он отчетливо не представляет себе настоящие причины несовершенства жизни, он все же инстинктивно, сердцем великого поэта тянется к народу, живет его жизнью, его чаяниями, его надеждами. То же самое он советует делать и другу своему Вагифу.

Хотя Ведади и величает себя «гостем иного мира», хотя он и называет жизнь вероломной, но он чувствует себя сыном своего народа, не пасует перед жизненными невзгодами и печалями, и, наслаждаясь созерцанием картин природы, живет одними мыслями, одними чувствами со своим народом.

Он не активен, как Вагиф, который в заботах о счастье народа старается облегчить его положение непосредственной государственной помощью и определенным направлением государственной политики (он сам заявляет, что хан боится его, хотя и не решается препятствовать его линии поведения). Ведади, напротив живет мечтами, ограничивается просьбами, мольбами, обращениями к аллаху об оказании помощи народу:

Боже! Тяжел человеческий жребий,
Взвешены наши страдания в небе.
В верах запутался разум людской.
К правде единой ворота раскрой.
Свет нам пошли ты, дай силу прозренья
Нашим очам, мы—слепы от рожденья.
Да отличим мы добро ото зла,
Чтобы напрасная кровь не текла.

Вургун рисует живой портрет Ведади убедительными реалистическими красками. Однако, нельзя сказать, что фигура Ведади статична. Он все время растет в процессе борьбы и от пассивного созерцания мечтателя—идеалиста доходит до активного протеста против бога. После же прибытия в Карабах, после того, как он стал свидетелем ужасных событий трагической борьбы и тяжелых бедствий, обрушившихся на голову друга его Вагифа, Ведади совершенно меняется, в его мировоззрении происходит резкий перелом. Это уже не беспочвенный мечтатель — идеалист, он уже не обращает своих беспомощных взоров в пустую бездонную высь, он раз навсегда отворачивается от бога и, когда друга его Вагифа ведут на казнь, он со всей силой своего поэтического голоса бросает вызов небу:

Небесный царь жесток, как царь земной!

Этот протест не является результатом случайного настроения поэта. Драматург с большим мастерством, через ряд острых и глубоких переживаний, последовательно приводит его к перерождению.

Линия Вагиф—Ведади, ее драматическое развитие, по нашему мнению, одно из бесспорных литературных достижений Вургуна. Самед Вургун искренно любит своих героев и, как большой мастер, тщательно вскрывает каждую черточку их характеров, их каждый шаг.

Одним из основных персонажей драмы является также и Эльдар. В его характере много оригинальных, присущих только ему, черт. Автор реалистически правдивыми красками рисует своего героя.

Женские образы определенно уступают мужским в яркости и жизненности, но это не означает, что они сами по себе не жизненны. Возьмем для примера Гюльнар. Это—образ чрезвычайно интересный. Вагиф так отзывается о ней:

Взгляни на Гюльнар.
Но деды молвили (чему дивиться?):
Равны отвагою и лев и львица!

Эти слова характеризуют образ героической девушки — азербайджанки. Как мужественна эта девушка, доставляющая письмо Вагифа засевшему в горах Эльдару. Правдивая, сердечная, искренняя, смелая, Гюльнар, безусловно полноценный незабываемый образ. Она мало появляется на сцене, но забыть ее нельзя. Автор меткими художественными штрихами рисует эту девушку, удачно раскрывая ее характер. Жена Ведади—Тюкезбан,—персонаж эпизодический, но необходимый для более полной обрисовки личности Ведади. Но автор быстро уводит ее со сцены: естественно, что драма от этого проигрывает.

Хураман—образ, более всех других вызывающий споры. Хураман честолюбива, она мечтает о роскошной жизни. В ней заложена и способность к сильному протесту. Но в то же время она способна и тонко чувствовать. Она умеет дать и оценку творчеству Вагифа. С одной стороны, она выражает свое недовольство Вагифом, а с, другой стороны, искренно восторгается талантом поэта. Конечно, в живом человеке естественны такие противоречия. Хураман — натура двойственная, противоречивая. Иногда ее в одно и то-же время угнетают две противоречащие друг другу мысли. В ней берет верх то одна, то другая, но в конце концов трагедия Вагифа пробуждает в ней лучшие человеческие чувства, и она, подавив в себе честолюбие, тянется к Вагифу и просит

у него прощения. Хураман приходит в ужас от сознания, что ее обманули:

Сломили сердце хрупкое соблазны;
Сверканье золота и блеск алмазный —
Теперь узнала я—скрывают яд,
Сокровищницы черных змей таят!
Убей меня! Убей рукой—не взором!
Тебя покрыла—низкая—позором.

Ее удачно характеризуют слова Вагифа:

Мой глаз, как глаз оценщика каменьев.
Ужели был мой выбор заблужденье?
Да, да... Не жду добра от Хураман.
Иной, чем мне, ей дух был веком дан.
Для женщин почести и власть—отрава.
Проклятье вам мое, и власть и слава!

Но в ошибках этих виновата не она, а скорее среда, окружающая ее, придворные паразиты, шейхи, которые, прикрываясь религией, занимаются сводничеством. Хураман глубокий, сложный, полнокровный образ. Это живой человек, и мы, несмотря на все отрицательные черты ее характера, чувствуем симпатию к ней. Мы любим те человеческие чувства, которые побеждают в ней, несмотря на допущенные ею ошибки.

Аминэ, как и Тюкезбан,—персонаж эпизодический, который введен автором главным образом для того, чтобы полнее представить образ Гюльнар и рельефнее показать связь Вагифа с крестьянскими массами. Но роль Амины в развитии драмы исключительна, и без ее участия был бы недорисован портрет Гюльнар. Не такова Тамара. Она переживает личную трагедию, к которой причастен злейший враг Вагифа Ага Мамед шах Каджар. Тамара — это воплощение «мольбы матери и стона женщины». Это мать, взывающая к мщению, разжигающая в Эльдаре и его товарищах чувство борьбы. Хотя она появляется всего два раза на сцене, но это живой убедительный образ.

Прежде чем перейти к анализу второй группы образов, необходимо здесь сделать одно замечание. Вургун, изображая этих людей, порою забывает, что он драматург, т. е. забывает, что его обязанность—об'ективно развивать события и раскрывать характеры своих героев.

В драме каждое действующее лицо должно вести до конца свою линию. Это значит, что драматург свое отноше-

ние к событиям и лицам должен проявлять не иначе, как давая полную возможность событиям и характерам развиваться естественным образом. Однако, Вургун порой вносит элемент суб'ективизма, выражая устами персонажей свои собственные мысли. Так, Самед Вургун часто заставляет Каджара называть самого себя тираном:

Моя душа в крови. Мой дух жесток,
Мир — на крови воздвигнутый чертог!

Эти часто повторяющиеся слова внушают читателю определенное отношение к персонажу и мешают правильному пониманию образа.

Перейдем к краткому анализу второй группы персонажей. Мы знакомы уже с фигурой шаха Каджара по известной одноименной трагедии Ахвердова (знаменитый азербайджанский трагик Араблинский создал незабываемый образ этого тирана). Таким образом Вургун располагал богатым материалом в этом отношении. Конечно, в плане драматургическом, созданный Ахвердовым образ стоит выше образа Каджара в драме Вургуна. Почему?—спросит читатель. Да потому, что Ахвердов раскрывает характер своего героя в действиях, в поступках, в жестоких необузданных проявлениях дикаря. В нашей памяти особенно запечатлелась сцена, когда Каджар с чувством распаленного сладострастия топчет человеческие кости, зарытые под его ложем (это были кости Надир шаха), и вы видите перед собой омерзительное существо с опустошенной душой.

Но Ахвердов не ограничивается этим: Каджар убивает и своего родного брата, и перед глазами читателя вырастает честолюбивый тиран, в своем стремлении к власти не останавливающийся ни перед какими препятствиями.

Мы питаем чувство отвращения к созданному Вургуном образу Каджара. Это верно. А разве автор не мог углубить этот образ так, чтобы вызвать в нас еще большее отвращение? Мы умеем любить, но мы умеем и ненавидеть. Обязанность же автора углубить и направить эту ненависть в ту или иную сторону. В отношении остальных отрицательных персонажей пьесы (Ибрагим-хана, шейха и везира Каджара) мы ограничиваемся здесь лишь указанием на то, что все эти лица—живые люди. Автору удалось создать убедительные реальные фигуры, хотя и они не лишены недостатков.

Лучший представитель азербайджанской советской поэзии, Вургун этой драмой своей сумел показать, какие широ-

кие перспективы открываются перед нашей литературой, какие яркие произведения способна создавать наша драматургия. В то же время Самед Вургун показал, что только та литература имеет право на существование, которая развивается на базе народного творчества и языка и проникнута подлинным народным духом.

Драма «Вагиф»—несомненно крупное достижение советской литературы.

„ХАНЛАР"

Создание полноценных художественных произведений о великих вождях народов В. И. Ленине и И. В. Сталине является самой почетной и трудной задачей советских писателей. Для того, чтобы справиться с этой почетной и ответственнейшей задачей, советский писатель должен наряду со знанием всех сложнейших особенностей творческой техники изучить и знать историю борьбы и побед славной партии большевиков, овладеть единственно революционной и последовательной наукой — марксизмом-ленинизмом. Говоря о Ленине и Сталине, мы говорим об истории нашей партии, говоря об истории нашей партии, мы говорим о жизни и борьбе Ленина и Сталина. Поэтому для того, чтобы достойно воссоздать образы этих гениальных людей, писатели должны подняться на вершину творческих достижений и дать народу лучшие, наиболее совершенные образцы художественного творчества.

Поистине счастлив советский писатель, который справился с такой почетной задачей. Самед Вургун является одним из таких счастливых своей творческой победой писателей. Ко дню 60-летия со дня рождения великого и любимого вождя народов И. В. Сталина Самед Вургун подарил счастливому азербайджанскому народу яркое высокохудожественное произведение «Ханлар», являющееся первым смелым шагом в азербайджанской драматургии.

Трудящиеся Азербайджана под непосредственным руководством гениального Сталина вписали в славную историю нашего народа блестящие страницы героической борьбы и побед. Освобождение азербайджанского народа от царского гнета и капиталистического рабства тесно связано с именами Ленина и Сталина. История большевистской организации в Закавказье и в частности в Азербайджане связано с именем товарища Сталина. В самые трудные моменты борьбы азербайджанская и бакинская организации большевиков под ру-

ководством товарища Сталина шли неудержимо вперед, преодолевая все преграды и препятствия на своем пути к победе.

Азербайджанский народ зорко берег своего освободителя, учителя, отца и гениального вождя в черные годы реакции, как зеницу ока. С большим волнением и глубоким чувством выражает мать Ханлара любовь и преданность азербайджанских трудящихся к вождю Сталину:

Согнулась спина моя под тяжестью судьбы
И на руках моих цепи мучителя-тирана.
Вы ищете гостя нашего?
Рассеките сердце мое, он в нем!

— так отвечает Гызетар (мать Ханлара) царским жандармам, когда они избивают ее, требуя выдачи Кобы.

Самед Вургун сумел отразить в замечательных стихах большие общественно-политические события. Во всей советской литературе «Ханлар» первая, написанная стихами, поэтическая драма на тему о Сталине. В этом произведении созданы образы таких верных учеников Сталина, как С. Шаумян, М. Азизбеков, Ханлар Сафаралиев, которые не щадили своих сил в героической борьбе за освобождение трудящихся Азербайджана. Как в смысле воссоздания исторических образов, так и передачи исторических событий «Ханлар» является глубоко идейным и содержательным произведением.

Жизнь и борьба героического сына азербайджанского народа Ханлара Сафаралиева отображена в пьесе Самеда Вургуна с высоким мастерством подлинного художника. «Ханлар» является одним из лучших образцов художественной литературы для агитаторов и пропагандистов, для всех изучающих жизнь и деятельность великого Сталина, историю большевизма в Азербайджане.

Идейно-политическое содержание нашло в «Ханларе» свои замечательные художественные формы. В этом произведении выражены в художественной форме такие идеи, как патриотизм, пролетарский гуманизм, героизм народа.

Идея патриотизма развита в «Ханларе» последовательно проведенной, органически связанной с сюжетом произведения, линией. Коба говорит, что Азербайджан является на рубеже Востока первой колыбелью революции:

Баку! Азербайджан! Как ярки здесь огни!
Отсюда взойдет первое солнце Востока.

Коба развивает идею о том, что Азербайджан является страной, создавшей героев, что нужно любить Азербайджан

и беречь его как зеницу ока, ибо отсюда зарево великой революции озарит все страны Востока.

Смотри, заря согревает все кругом...
Вы честно любите Азербайджан!
Отсюда яркий свет распространится кругом —
В Иран, в Афганистан и Аравию.
Это не земля, а цветник:
И отвага цветет и честь цветет здесь.

Героический сын азербайджанского народа Ханлар Сафаралиев, раненный подлыми врагами, даже в последние предсмертные минуты, говорит колеблющемуся доктору Сохбету о священном долге каждого честного гражданина любить, беречь и защищать свою родину. Всем своим существом Ханлар верит в то, что лишь победа великой большевистской партии освободит трудящихся Азербайджана, даст им новое советское отечество:

Умру я, наверно, доктор,
Но не унываю я, жива будет родина—мать.
Мы большевики. Поверьте, что
Вся наша жизнь, вся наша борьба
Преследует лишь одну цель: дать народам свободу.
Очнитесь, доктор, кажется пора,
И вы присоединитесь к нам,
И вы поможете отечеству.

Доктор Сохбет в «Ханларе», в противоречиях внутренней борьбы не знающий, кто и как освободит народ, беспредельно любит родной Азербайджан, вырастивший и воспитавший его с ранних лет. Ведь Азербайджан страна Вагифов, страна, создавшая великих творцов—гениев человечества!

С тех пор, как я стал сыном этой земли,
Я полюбил наш край.
Здесь расцвела весна поэзии,
Здесь стонал саз Вагифа.

Все произведение с начала до конца пронизывает высокая идея патриотизма. Это одна из самых положительных сторон «Ханлара».

Одновременно в «Ханларе» развита—как основная идея произведения—идея пролетарского гуманизма. Человек—это творец, он краса и гордость вселенной, украшение природы, и без него весь мир бесплоден и пуст — вот идея, замечательно выраженная в «Ханларе». И когда меньшевик Маму-

лия, наклеветав на людей, называет их предателями и врожденными лжецами, Коба ему отвечает:

Человек родился, чтобы быть украшением мира,
Он гордость всей природы.
В каждом цветке есть смысл.
Творит человек и дает всему жизнь.
Без человека цветник лишь развалина,
На каждом камне которой сидят дикие совы.

Как актуальны эти слова сейчас, в наши дни, когда в огне второй империалистической войны проливается кровь миллионов людей, когда ради интересов жадной кучки империалистических палачей горят и уничтожаются лучшие творения человечества!

Да, природа создана чистой,
И в ней, бесспорно, не найти пятна.
Но один лишь человек украшает бытие.
К чему природа без живых людей?

Так отвечает Ханлар своей возлюбленной Мехрибан, когда она говорит, что нет ни человека, ни человечества, что народы без конца проливают кровь друг друга, забыв все на свете. Ханлар утешает, учит Мехрибан, которая скатилась в болото пессимизма:

Нет, ошибаешься, есть и человечность, и человек.
Солнце истории—это пролетариат!..
Рано или поздно мы сломаем заржавленные цепи
И тогда проснется, настанет свободное красное
утро наше.
Не падай духом, Мехрибан, не сердись на мир,
В ином мире рождается человек!

Самед Вургун создал образы людей, беспредельно любящих трудящееся человечество. Эта основная идея проходит красной нитью в речах всех положительных героев пьесы, начиная с Кобы и кончая народным героем Поладом Демир оглы. Вторая картина четвертого действия богата характерными моментами, раскрывающими особенности и тончайшие оттенки психологии человека. В этой картине мы видим народного героя Полада Демир оглы. В течение сорока тревожных и полных героическими делами лет он дремал лишь на коне, не отходя от своего верного друга, не склоняя гордой головы перед царскими сатрапами. Полад любит человечество, но он ненавидит врагов трудящихся. Несмотря на преклонный возраст (ему 60 лет), он с большим волнением и

воодушевлением рассказывает о своей жизни, о сорокалетней борьбе, и умереть он идет без страха и ропота, гордыми и смелыми шагами.

Убивать уводят меня, сынок.

Ухожу, поручаю тебя богу, будь здоров!

— вот последние прощальные слова Ханлару старика Полада.

Когда Ханлар обращается к надзирателю и просит о помиловании старика, тот отвечает, что Поладом убиты десять приставов и пятьдесят есаулов... Здесь в одной строке отражена вся биография этого народного героя, борца за свободу. Ханлар восхищается отвагой и сердцем старика:

Сколько ему лет, а какое сердце!

Верно сказано, что не постареет храбрец.

В этой картине параллельно с отважным и могучим Поладом, борющимся за счастье народа, создан еще характерный образ царского прислужника—тюремного надзирателя. В отличие от героя Полада, отдавшего жизнь свою за идею, этот надзиратель видит всю прелесть жизни в трех вещах: первая это взятки, вторая — женщины, а третья — карты. По мнению надзирателя, плох тот мужчина, который не ел на свете краденого мяса и не скакал на краденом коне. Перед Ханларом проходят два человека: один из них 60-ти летний старик, гордо и бесстрашно идущий навстречу смерти; другой весь смысл своей жизни видит во взятках и других подлостях.

Самед Вургун не руководствовался принципами классической драматургии. Однако, неправы те товарищи, которые считают это недостатком, слабой стороной произведения, ибо в «Ханларе», как и в «Вагифе», драматург создал новую композицию драмы, новую форму, шагнув вперед не только в азербайджанской, но и во всей советской драматургии. Было бы неправильно оценивать «Ханлар» с точки зрения классической драматургии. Недостатки произведения заключаются не в этом, их нужно искать в самих образах пьесы.

Прежде всего кажется странным внезапное появление Мехрибан и ее об'яснение в любви в первой картине. Ничем это оправдать нельзя. Сама Мехрибан чувствует это:

Пришла... Слушай меня, Ханлар!

Чувство одно не покидает мое сердце.

Пришла об этом поговорить,

Не думай обо мне ничего плохого...

Далее в третьей картине первого действия между Ханларом и Гызетар происходит такой разговор: Гызетар добивается от сына Ханлара каких-либо сведений о Кобе. Это естественно и убедительно. Но искусственно здесь то, что на вопрос Гызетар о национальности Кобы Ханлар отвечает: «Какой нации? Он человек». Не верится, чтобы отсталая женщина понимала сущность этих слов.

В первой картине второго действия между доктором Сохбет и Мехрибан происходит разговор о Ханларе. Доктор Сохбет спрашивает у Мехрибан о цели Ханлара, и за этим вопросом следует ответ, не имеющий никакого отношения к интересующему доктора вопросу:

Я многим обязана Ханлару,
Он спас меня от преждевременной смерти.

Далее нам кажется, что одной из слабых сторон «Ханлара» является сцена спора между Кобой и Мамулией. Опираясь на господствующую в буржуазной социологии так называемую органическую школу, на законы формальной логики, на метафизику, Мамулия выдвигает ряд идей:

Вся вселенная гармонична:
И месяц на небе, и солнце, и звезды—
Все издавна связано между собой.
Если звезду переставить на место солнца
Или чуточку изменить место луны,
Весь мир разрушится, не станет жизни.
А человеческая история подобна этому.
Если внешняя сила окажет давление,
Пропадут все законы и порядки
И не останется даже следа от жизни!
Вот, что говорит нам философия,
Пусть это не кажется вам игрушкой.

В ответных словах Кобы автор не показал самого главного. Товарищ Сталин поднял единственно революционную философию — марксизм-ленинизм на высшую ступень; еще с 1905—6 гг. товарищ Сталин начал развивать философию пролетариата, следовательно, Коба в «Ханларе» должен разоблачать Мамулию более сильными, более основательными философскими доводами. Выступая в 1905—6 гг. против меньшевиков в Батуми, Чиатури, Тбилиси и в других городах, товарищ Сталин опирался на единственно последовательную революционную философию диалектического материализма и поднял ее на новую высшую ступень. Нам из-

вестно, по книге Л. П. Берия «К истории большевистских организаций в Закавказье», что еще в те времена товарищ Сталин участвовал во всех дискуссиях, разоблачая врагов рабочего класса простым своим языком и глубоким философским анализом событий. А между тем в первой картине третьего действия «Ханлара» мы этого не видим.

В «Ханларе» дано яркое изображение неустанной борьбы великого Сталина за освобождение и счастье трудящихся Азербайджана. Коба непримирим и беспощаден к врагам, — таким именно вырастает перед нами образ вождя, но автор показывает и мудрую его простоту, скромность, его дальновидность, целеустремленность. Коба слышит голос народа, Коба учится у него и говорит с ним самым простым языком о самых сложнейших вопросах.

На вопрос Гызетар «что такое коммунизм?», Коба отвечает:

Мать, когда будет построен коммунизм,
Счастливо будут жить на свете люди.
Не будет ни царей, ни хозяев, ни рабов,
Не будет гнета и жестокости.
Люди будут сердечными друзьями.
Да... придет этот день, мать!
К тому и стремимся,
Чтобы осчастливить вас—матерей.

Услышав голос муэдзина, Ханлар выдвигает ошибочную идею о том, что для уничтожения религии и мулл необходимо сжечь все мечети. Тогда простыми и понятными всем словами Коба об'ясняет Ханлару отношение марксизма-ленинизма к религии, принципы пролетарского атеизма:

Можно! Это совсем не трудно...
Но люди построили эти мечети!
Нельзя сжечь эти пленные сердца,
Так жадно улавливающие слова муэдзина.
И давно поверившие в существование бога.
Если мы сможем улыбнуться дружески сердцу человека
И повернуть это сердце к нам,
Тогда мечети останутся пустыми
И человек познает всю радость жизни.

Коба ни на минуту не забывает, что нужно не только руководить массами, учить народ, но и учиться у народа, он

советует быть зорким, бдительным, учитывать силу врага, ибо это одна из главных черт героизма. Когда Гызетар говорит: ««осторожность—украшение героя», Коба подчеркивает, как важно прислушиваться к голосу масс, к голосу народа.

Осторожность—украшение героя,
Голос народа самая большая школа для нас!

В пьесе «Ханлар» в яркой художественной форме выражена идея о том, что нужно быть таким же ленинцем, таким же последовательным, твердым, бесстрашным большевиком-борцом за счастье трудящихся, как Сталин. Коба—верный и испытанный ученик Ленина вспоминает своего друга-учителя:

Вот, смотри! Как бушует ветер
И море чуть ли не грызет берега...
Вся страна в грозе,
Но не спит наш капитан.
Ленин—наш маяк в этом океане!
Солнце сверкает во взорах Ленина.
И потому лишь его глазами
Мы смотрим в грядущее.

Ханлар мечтает о встрече с Лениным. Коба об'ясняет, что нужно читать произведения Ленина, что в борьбе нужно быть таким же твердым и непоколебимым, как Ленин. Везде, на любом участке работы, Коба помнит указания Ленина. Это одна из характерных особенностей, присущих товарищу Сталину.

Всегда и везде имя Ленина
Служит нам алым знаменем,
Вдохновляющим нас к победе.

— говорит Коба о Ленине.

Как известно, товарищ Сталин неоднократно указывал, что самым ценным капиталом в мире является человек. В произведении отражена и эта идея. Коба гневно разоблачает меньшевика Мамулия, называющего всех людей лжецами. Коба доказывает, что лишь грязные и подлые предатели, видящие во всем плохое, могут клеветать на человечество, ибо у них самих совесть не чиста.

Коба смело разоблачает соглашательскую политику меньшевиков и сущность их тактики. Товарищ Сталин в класси-

ческом произведении марксистско-ленинской философии, в «Вопросах ленинизма» раскрывает настоящую причину, почему партии II Интернационала и в особенности меньшевики отрицают самую передовую революционную теорию. Эта причина заключается в том, что меньшевики являются орудием в руках буржуазии для внедрения чуждых буржуазных влияний в ряды пролетариата. Как известно из истории партии, закавказские большевики под руководством товарища Сталина развеяли впрах всех и всяких врагов рабочего класса. И этот факт в определенной степени нашел свое художественное отражение в «Ханларе».

«Кажется много жертв нам придется нести» — говорит Шаумян и в ответ ему. Коба произносит слова о трудности разрушения старого мира и построении нового мира, о том, что без жертв невозможна окончательная победа революции. «Жизнь требует в борьбе твердой несокрушимой воли»—говорит Коба и таким человеком железной воли для него является Ленин.

В день похорон Ханлара в Баку под руководством товарища Сталина была организована большая политическая демонстрация. По приказу губернатора музыка во время похоронной процессии была запрещена. Однако, по указанию товарища Сталина все промыслы и заводы дают тревожные траурные гудки. Губернатор, не ожидавший такого поворота дела и понявший свою ошибку, собирается разрешить музыку во время похоронной процессии, но было уже поздно: все бакинские трудящиеся уже присоединились к демонстрации. Этот исторический факт в несколько измененном виде замечательно изображен в «Ханларе». Вообще сцена похорон Ханлара является одной из трогательнейших и сильных сцен в пьесе. В этой сцене мы видим похоронную процессию, превратившуюся в политически организованную демонстрацию масс, слышим речи товарища Сталина, Шаумяна, Мешадибека, и, наконец, становимся свидетелями того, как мать погибшего за великое дело революции — Ханлара еще раз выражает чувство безграничной любви и преданности товарищу Сталину:

Горе мое тяжкое,
Самое великое.
Если бы семь сыновей имела бы я,
Всех я не пощадила бы ради тебя.

Самед Вургун первый в нашей драматургии сумел в ос-

новном успешно выполнить такую ответственную и почетную задачу, как создание образа гениального Сталина. Всегда, во всех сценах мы ощущаем силу руководства и организаторского таланта Кобы. Но наряду с верным в основных чертах изображением Кобы, заметны, несколько ослабляющие силу образа, элементы излишней мечтательности.

В пьесе хорошо обрисован как стойкий, последовательный революционер ученик товарища Сталина, героический сын азербайджанского народа Ханлар. Ханлар знает нужды, интересы и надежды трудящегося народа. Он борец, глубоко познавший всемирно-историческую роль пролетариата:

Знаешь, мать! Вся сила в нас.
Посмотри, не будь этого пота, льющегося со лба моего,
И этих мозолей, крови на моей руке,
Богачи умерли бы с голода.

Ханлар бывший крестьянин, он знает, как помещики угнетают забитых и беззащитных крестьян, на собственном своем опыте Ханлар убедился в том, как жестоко и беспощадно расправляются капиталисты с рабочими. Ханлар убедился, что единственный выход из положения—это классовая борьба, он верит, что будущее принадлежит пролетариату и трудящемуся человечеству. Ханлар пламенный патриот, борющийся за освобождение своей родины от насильников и эксплоататоров.

Даже в последние минуты своей жизни Ханлар думает только о родине, он об'ясняет колеблющемуся доктору о целях большевиков, советует ему работать с большевиками, ибо они и только они дадут народам свободу и счастье.

Ни тюрьма, ни угрозы, ни обещания не в силах сломить стальную волю Ханлара. Даже в тюрьме он не склоняется перед Мухтарбеком и продажным Шемистаном, несмотря на то, что руки и ноги его закованы в тяжелые цепи, ибо он верит, что завтра он опять вернется на поле грозной битвы.

В образе бесстрашного, непримиримого к врагам Ханлара Самед Вургун воплотил все лучшие черты героев азербайджанского народа, которые не щадили своей жизни в борьбе за освобождение отечества.

Но опять таки наряду со всеми этими положительными чертами у Ханлара заметна еще некая идеализация деревни. Нам кажется, что эта черта нисколько не характерна для такого смелого, стойкого и непоколебимого большевика, как

Ханлар, который знает, что деревня придет к освобождению лишь тогда, когда трудящиеся крестьяне поднимутся на бой в союзе с пролетариатом. Необходимо отметить, что сам автор устами Мешадибека говорит в произведении, что там, где помещик, там не может быть свободы. Это далеко от идеализации старой деревни.

Образ Степана Шаумяна в «Ханларе» в основном верен и удачен. Шаумян как политический руководитель обрисован ярко, всесторонне. Он об'ясняет классовую сущность борьбы пролетариата, он говорит о госуд. думе, разоблачая ее членов—избранников хозяев-собственников и владельцев, он доказывает, что дума служит царю, а не народу и нужно добиться, чтобы в нее вошли также представители рабочих. Но слишком часто Шаумян предается мечтательности, иногда после временного поражения выражает пессимистические настроения. Он жалуется на то, что человек родился несчастным. Опять таки нам кажется, что эти черты—не характерны для Шаумяна. Безусловно, как всякий человек, он имеет право скорбеть, радоваться и выражать свои сокровенные чувства и настроения, никто не может возражать против этого. Однако, в словах Шаумяна сказывается какая-то нотка пессимизма:

Несчастным, действительно, рожден человек.
Никогда он своим творением
Не довольствовался! Желания человека
Это бесконечный поток, необузданная стихия...

Несомненно, основной движущей силой пьесы является образ Кобы. Но это не значит, что образы ближайших соратников Кобы—Шаумяна, Азизбекова и других менее сильны.

Героев в «Ханларе» много. С одной стороны, это такие исторические лица, как Коба, Ханлар, Шаумян, Азизбеков, с другой стороны, это доктор Сохбет, Гызетар и другие. Трудно драматургу показать всех их в одинаковой мере ярко и выпукло, но над образом Шаумяна автор безусловно должен еще работать.

Несмотря на некоторые слабые стороны, образ Мешадибека получился у Вургуна более удачным, чем образ Шаумяна. Мешадибек сознательный пролетарский боец. Он знает, что беспорядочная стихийная борьба ничего не даст пролетариату, и победа может притти лишь тогда, когда будет создан нерушимый союз пролетариата, с трудящимся крестьянством.

Вот, почему, обращаясь к Аслану и другим рабочим, он часто напоминает:

Беспорядочная стихийная борьба
Поглощает только лишние жертвы.

Мешадибек приводит факты из истории борьбы азербайджанского народа. Мешадибек об'ясняет доктору Сохбету,— мечтателю и романтику, надеющемуся, что свобода придет путем нравственного совершенствования, абстрактность и бесплодность его идей и исканий, он говорит о героическом сыне азербайджанского народа Бабеке:

Не смеялись деды наши,
Стонали в цепях наши края...
Загляни в кровавые страницы истории, читай о Бабеке,
Вся жизнь его прошла в битвах и сраженьях!
Выпячивая грудь навстречу железным щитам,
Бабек поднял знамя свободы,
Повел свои войска вперед
И утопил в волнах Аракса арабских халифов.
Пусть воодушевит вас память о Бабеке!
Родина вас зовет!

Мешадибек не только руководитель рабочего движения, умеющий находить правильную ориентировку в ходе событий, дать верное направление движению, но он одновременно и нежный, чуткий, заботливый человек. Он слышит, чувствует биение материнского сердца:

Нельзя обижать материнское сердце,
От дыхания матери расцветают и цветы.

Одним из самых сильных и волнующих образов пьесы является мать Ханлара Гызетар. В лице Гызетар автор создал образ матери, которая воплощает в себе все лучшие качества и черты азербайджанского народа. Гызетар замечательно ярко выражает всю любовь и преданность азербайджанского народа товарищу Сталину.

Если он сын мне, ты—милый гость,
И ради него, и ради тебя
Я жизнь свою в жертву принесу.

Гызетар лучшая выразительница дум и чувств народа. Народная мудрость льется из уст ее чарующим фонтаном. Гызетар неграмотная, отсталая женщина, но она живо ин-

тересуется происходящими событиями. Всегда и везде она бережет, как зеницу ока, как родного своего сына Ханлара, героических сыновей большевистской партии—Кобу, Мешадибека, Шаумяна и других. Она проявляет большой интерес к политическим вопросам, к революционной борьбе, к товарищу Ленину, которому желает долгой, долгой жизни. Ханлар ранен. Нет предела тяжелому горю матери, но она не проливает слез даже после утраты любимого сына, ибо это обрадовало бы врагов. Ханлар умер, но друзья его, партия его живы и они продолжают великую борьбу. Стоя пред гробом сына, она с глубоким волнением, но без слов и рыданий, обращается к Кобе:

Горе мое тяжкое,
Самое великое.
Если бы семь сыновей имела бы я,
Всех я не пощадила бы ради тебя.

Одним из интересных образов в «Ханларе» является также доктор Сохбет. Доктор Сохбет типичный мелкобуржуазный интеллигент. Образование свое он получил в Европе и там же стал свидетелем того, как проливается бесконечными потоками человеческая кровь. Колеблющийся вначале доктор долгое время ищет правды, ищет пути к свободе и счастью. Свободу он надеется найти в деревне. Жизнь, по идее доктора, может быть очищена от пороков общества нравственным самоусовершенствованием. В лице доктора Сохбета драматург создал образ колеблющейся дореволюционной прогрессивной интеллигенции Азербайджана. После долгой и тяжелой внутренней борьбы доктор убеждается, что только большевики уничтожат навсегда эксплоатацию человека человеком, только они создадут новый мир свободного труда и счастья, и он присоединяется к большевикам:

Я очнулся от мечтательного сна
И нашел уже тайну мира!
Нет утешения ни в лугах и цветниках,
Ни в горах и долинах.
Поэт, ищущий вечно истину,
Присоединяет с сегодняшнего дня
Свой голос к голосу большевиков!

Доктор Сохбет один из наиболее колоритных положительных образов пьесы.

Удачен образ меньшевика Мамулия. В лице Мамулия мы видим настоящего, живого меньшевистского лидера, в полном смысле этого слова. В этом образе воплощены все характерные черты меньшевизма: примиренческая политика, замаскированная и открытая борьба против пролетарской революции, показная философия, за которой скрываются меньшевистские догмы и законы формальной логики. Мамулия лжив, высокомерен и хвастлив. Верный прислужник буржуазии, он умеет прикрывать свое истинное лицо, находить ряд «доказательств», чтобы дискредитировать пролетарскую революцию и революционное движение вообще. Выступая среди рабочих, он одобряет их тактику и признает их правоту, но проходит немного времени и тот же Мамулия советует губернатору задушить революционное движение в крови лучших сынов большевистской партии, ибо без этой партии движение останется без руководства. Мамулия, как в смысле идеологии, так и проводимой тактики, является типичным меньшевистским лидером.

В «Ханларе» показаны образы двух представителей азербайджанских капиталистов. Один из них Мухтарбек, другой —Карапетян. Нужно отметить, что образ Карапетяна, как типичного капиталиста, выведен неправдоподобно. Он выглядит как чучело или простая карикатура. В нем нет классового сознания, он не ведет тактики борьбы против пролетариата. Выступая в гостях у Мухтарбека, Карапетян зовет капиталистов к об'единению; выступая у здания думы перед рабочими, он говорит, что Шаумян обманывает армян. Однако, все эти выступления носят эпизодический характер. В отличие от Карапетяна образ Мухтарбека силен и полнокровен. Мухтарбек капиталист в полном смысле этого слова. Он пользуется услугами продажного Шемистана, старается всеми своими силами привлечь Ханлара на свою сторону. Он прекрасно понимает, что смерть Ханлара не остановит растущего революционного движения.

В «Ханларе» интересен и типичен также образ предателя Шемистана. Личные свои интересы и выгоды он ставит выше интересов рабочего класса. Шемистан не брезгует никакими средствами, чтобы заманить Ханлара в свою сеть, покончить с ним и, наконец, он выполняет подлую роль убийцы Ханлара из-за угла. Он сообщает Мухтарбеку о месте, где большевики проводят подпольные собрания, он угрожает Ханлару и гордится, что, служа Мухтарбеку, он добился высокого чина. Он даже выражает сожаление по поводу того,

что Ханлар не стал таким же предателем, как он сам, и об этом отрыто говорит Ханлару: «я же говорил тебе, давай работать вместе...»

Аслан яркий образ большевика, беспощадного, непримиримого ко всем врагам рабочего класса. Аслан старается быть профессиональным пролетарским революционером. Он бесстрашен, но строго подчиняется твердой большевистской дисциплине.

В рамках небольшой статьи трудно выразить все свои впечатления и мысли о таком высокоценном и глубокосодержательном произведении, каким является «Ханлар» Самеда Вургуна.

«Ханлар»—одно из крупнейших произведений советской драматургии, которое ждет еще всесторонней оценки нашей критики.

СТИХИ

Самеда Вургуна

ПРИВЕТ ВОЖДЮ

От звезд, проплывающих над Баку,
От женщин, не знавших чадры на веку,
От крыл журавлей, что звенят наверху,
И песен, что множат струну на строку,
Где солнце Восточных ворот на-чеку,
Где дни, словно спелые дыни в соку,
Где чувству свободно и языку,
От сердца любимой—щекой о щеку—
От медленных лет и от быстрых секунд
Привет тебе, лучшему большевику!

Ты,—в явь превративший предвестия строк,
Ты,—нового мира приблизивший срок;
Слагает историю каждый твой слог,
Но к детям склонен, матерински, не строг,
Ты—сердце живою любовью зажег,
В день добрый ты жизни ступил на порог!
И я, часовой твоих войск вдалеке,
Я чую, как—сосредоточенный здесь—
На этой непоколебимой руке,
Как бьется он, пульс миллионов сердец!
От медленных лет и от быстрых секунд
Привет тебе, лучшему большевику!

В напевах вечерних лепечущих вод,
В счастливых словах материнских забот
Есть нового смысла высокий восход,
И горы теряют угрюмый налет,
И—воском—с полей растопляется лед,
И труд набухает из завязи в плод,

И свечек мечети развеян дурман,
И женщин распрямлен согнувшийся стан.
Им больше не страшен ни джин, ни шайтан,
Ни плеть, ни мулла, ни кулак и ни хан.
От рук загорелых, что нынче в чести,
От памятника двадцати шести,
От медленных лет и от быстрых секунд
Привет тебе, лучшему большевику!

Цветами цветут наши годы и дни;
Ширвану, Мугани и Милю сродни;
В горах и в долинах пунцовая рань:
Пахнет апельсинным цветком Ленкорань,
Нуха расцветила шелками дворы,
Чернеют каймою кубинцев ковры,
Под камнем дорожным сверкает руда,
Роднится с тобою величье труда,
И движутся рядом—щекой о щеку —
С рабочей Москвою рабочий Баку.
Ведь наши и воздух, и жизнь, и земля!
Ворота Востока—в воротах Кремля!
Ведь к солнцу направлен наш караван,
И солнечный луч нам водителем дан!
От тех, кому лица забронзовил свет,
От солнца, от сердца, от силы—привет!
О сталинском имени—всюду молва,
Но это не славы обычной слова:
Оно вызывает великую страсть,
И страсти той имя—народная власть!

АЗЕРБАЙДЖАН

Я ходил по горам, я глядел меж лугов
В журавлиные очи родных родников;
Издалека выслушивал шум тростников
И ночного Аракса медлительный ход...
Здесь я дружбу узнал, и любовь, и почет.

Можно ль душу из сердца украсть?—Никогда!
Ты—дыханье мое, ты—мой хлеб и вода!
Предо мной распахнулись твои города.
Весь я твой. Навсегда в сыновья тебе дан,
Азербайджан, Азербайджан!

На горах твоих кудри белей молока,
Как чадра, укрывают тебя облака,
Над тобою без счета промчались века,
От невзгод поседела твоя голова...
Как ты много терпела,—и снова жива.

И невежды порочили имя твое,
И безумцы пророчили горе твое,
И надежды измучили сердце твое,
Но пришла благородная слава твоя,
Велики твои дочери и сыновья!

Пусть Баку мой неведомый гость навестит:
Миллионами солнц его ночь поразит.
Если северный ветер на вышках гудит,—
Откликается эхом песчаный простор,
Полусонные горы ведут разговор...

Можно ль мать у ребенка украсть?—Никогда!
Ты—дыханье мое, ты—мой хлеб и вода!
Предо мною распахнулись твои города..
Весь я твой. Навсегда в сыновья тебе дан,
Азербайджан, Азербайджан!

На серебряном Каспии ветры свистят,
Изумрудные темячки уток блестят...
Пусть влюбленные путники нас навестят,
В Шемахе и в Шамхоре пусть выпьют вина!
Ах, как жизнь коротка, как дорога длинна!

Любоваться хотел бы я тысячу лет,
Как играет в ущельях рассеянный свет...
Пробегает олень, олененок во след,
И зовет, и под камнем находит приют,
А быки на яйлагах молчат и жуют...

Рано утром, поэт, путешественник, встань!
Погляди Астару, погляди Ленкорань.
Из Египта, из Индии в раннюю рань
К нам слетаются птицы, ликуя, крича,
Словно вырвались из кулака палача!

Здесь желтеют лимоны колхозных садов,
Нагибаются ветви под грузом плодов,
И тому, кто работал, здесь отдых готов...
Золотого чайку завари и налей,
О невеста, для матушки старой моей.

В Ленкорани цветы и свежи и стройны,
И прекрасны, как женщины нашей страны.
И амбары колхозные хлебом полны,
Белый хлопок сияет, как снег на горах,
Сок лозы виноградной кипит в погребах.

Выпей утром, когда еще море темно,
Этот сок, еще не превращенный в вино,—
Будет силою все твое тело полно!
Сила солнца—наш верный союзник в борьбе,—
И в работе она да поможет тебе!

Сядь в Казахе на красного с искрой коня,
Приласкай его, добрую дружбу храня!

Он тебя понесет мимо шумного дня
На вершины Капеза, где холод остер:
Погляди на Гей-Гель, королеву озер!

О, страна моя, родина музыки—ты!
Твои песни, как летом плоды, налиты!
Ты—серебряная колыбель красоты!
Сгустки музыки—тысячи наших сердец,—
В каждом малом селе есть любимый певец.

Не умрет Насими, не умрет Физули—
Дорогие поэты старинной земли,
Как туманные звезды мерцают вдали...
Но родятся здесь много таких, как они,—
Это—близкие, это—земные огни!

Можно ль песню из горла украсть?—Никогда!
Ты—дыханье мое, ты—мой хлеб и вода!
Предо мной распахнулись твои города...
Весь я твой. Навсегда в сыновья тебе дан,
Азербайджан, Азербайджан!

О Баку! Шел по улицам старым твоим
Вождь народов, когда был совсем молодым!..
Здесь он думал—и лоб его ветер ласкал.
Здесь учился—великим учителем стал.

Можно ль гордость у мира украсть?—Никогда!
Здесь дыханье мое, здесь мой хлеб и вода!
Предо мною распахнуты все города...
Сталин-джан. Навсегда в сыновья тебе дан,
Азербайджан, Азербайджан!

СВОБОДНОЕ ВДОХНОВЕНИЕ

Сталин мой дорогой! Вдохновитль и вождь!
Ты свободы моей и страны моэй мощь!

Вижу добрый прищур, вижу ясность лица,
Ранний час, когда день еле-еле сквозит.
Он, вселенную всю распахнув до конца,
Каждый сноп световой прямо в сердце вонзит.

Вдохновенье! Лети в поднебесную высь,
Проложи в облаках неисхоженный путь.
Если пущена метко стрела, то промчись.
Издавна повелось, что тебя не вернуть.

Вдохновенье мое! Ты опора опор,
Ты охрана охран и порука моя.
Я дышу, я с тобой заодно до сих пор.
Да не буду лишен этой милости я!

Говорил Насими,*) наш певец дорогой:
«Если праведно жил, то и речь хороша.
Но правдивую речь душат петлей тугой.
В этой петле барыш для мошны торгаша.

Тронь мизинец муллы—завопит этот шут,
Отречется при всех от аллаха мулла.
А с ашуга несчастного кожу сдерут,
Что ему эта боль и людская хула!»

---

*) Азербайджанский поэт XIV века мученически казненный палачами-фанатиками.

О звезда на заре, мастер наш Насими,
Дальнозоркий стрелок, заглянувший в века!
И осталась в веках и пошла меж людьми,
Не состарилась мысль, и она нам близка.

По сей день Физули* безутешно скорбит
У распахнутых в мир озаренных ворот,
По сей день глухота его давних обид
Заставляет рыдать весь восточный народ.

В сединах Физули—та морозная стынь,
Тех пронзительных лет еле видный канун,
Где прошел караван по заносам пустынь,
Где блуждали без крова Лейли и Меджнун!

И приходит еще к нам Вагиф** издали,
Чей оборванный саз—как народная грусть.
И курлычут Вагифу во след журавли,
Его песенный плач повторив наизусть.

От фарсидских письмен, от арабских прикрас
Он навек излечил нашу тюркскую речь.
И, ширяя крылами, та речь понеслась,
Чтоб народ молодой воспитать и увлечь.

Горемычный певец! Будто в камни стены,
Ударялся твой стон о людские сердца.
Только эхо пошло по ущельям страны,
Откликалось навзрыд между скал без конца.

Ты нам мать и отец, нашей песни родник.
Вольный сокол в плену у ручных лебедей.
И я в песню твою опечаленный вник,
Чтоб вернуться к своей и сказать о своей!

Вдохновенье мое! Ты опора опор,
Ты охрана охран и порука моя!
Я дышу, я с тобой заодно до сих пор.
Да не буду лишен этой милости я!

Над моей головой нет угрозы ничьей.
Стоном лопнувших струн не прославится саз.
Не сковали мне рук, не сломали речей,
Не нужны небеса для живых моих глаз.

---

* Поэт XVI века, автор романтической поэмы „Лейли и Меджнун"
** Поэт XVIII века.

Мне сказали «саг-ол!»—это значит: живи!
Орден Ленина мне прикололи на грудь.
Комсомолец—поэт, всем пожаром в крови,
Всею жизнью живу—вот широкий мой путь.

Вдохновенье мое! С того самого дня
Выше гор, дальше туч мою песнь понесли,
И курлычут опять надо мной, для меня,
Облетевшие мир трубачи—журавли.

Мать, качая дитя, пусть меня назовет
Как приветственный звук, как приятную весть
Колыбельная снова ко мне доплывет,—
Значит, друга нашел.... Но и недруги есть!

Зорче молнии будь! Оглянись на тихонь,
Тех, что мух на лету превращают в слонов.
Истребителем будь! Под обстрел, под огонь
Двоедушных друзей, прописных болтунов!

Что за умники, глянь! Оцени их сполна.
Их пустые слова, как кимвалы и медь.
Если честного сына любила страна,
Ей за эту любовь не придется краснеть!

Так бичуй, не жалей шулеров-подлипал,
Кто, меняя лицо, не меняет души,
Кто жену продавал, и со всякою спал,
И, вползая ужом, навредил нам в тиши.

Есть еще и такой, что парит в облаках,
Отрешенный от нужд и от нашей среды.
Есть другой, что торчит десять дней в погребках,
Пьет за всех и поет на любые лады.

И другой, что во имя народа свою
Деревяжку без струн преподносит стране,
Заливает вином и детей и семью,
Мысль чужую крадет и утопит в вине.

Прочь их с наших путей!—Я в работе своей
Был подручным весны. Я природу любил.
О, любимая! Шею мне крепче обвей!
Я живые слова, как огонь, раздобыл.

Мое сердце! Не хмурь своих тонких бровей,
Ибо кончилась боль и рассеялся мрак.
Мое солнце! Восстань из пучины твоей!
С малых лет я ночам ненавистник и враг.

Я чеканил слова не за хлеба кусок,
У народа их брал, чтоб народу отдать,
Я не Байроном рос, но могу быть высок.
В жарком сердце не всю исписал я тетрадь.

Человек—это все. Он властитель земли.
Без него и заря не горит с вышины.
Цель искусства—душа. Только тронь, и вдали
Откликается мир звону каждой струны.

Что мне злая зима, что мне клетка ее?
Спутник милой души, я как птица лечу.
Прочь насмешку и злость. Я веселье свое
Добываю трудом, как могу и хочу.

Не отрекся от мира, не ныл: пощади!
Не назвался нулем на родимой земле.
Чайльд—Гарольдом с ничтожной обидой в груди
Не уплыл за моря на чужом корабле.

Тот бесчестен и лжив перед родиной, кто
Отречется от нашей любимой страны.
О, друзья! Наше небо зарей залито.
Вы в нарядные платья одеться должны.

Птичий гомон в листве, испаренья росы,
Упоение пчел над пыльцою цветка!
О, свободы моей молодые часы!
О, ведущие в даль молодые века!

О скользящая в зыбь стайка уток речных,
Будь спокойна за свой сизокрылый наряд.
О, земля матерей, что родят семерых,
Вот охрана твоя,—юной поросли ряд.

О весенняя рань, о моя детвора!
Как светлы и милы эти личики мне.
Веселись же в садах, разгорайся, игра!
Каждой матери люб ее птенчик вдвойне.

Громыхание туч и струение вод!
Не мутней, половодье, гори как хрусталь.
Человек на земле свое счастье кует,
А не в смутных мечтах, зазывающих в даль.

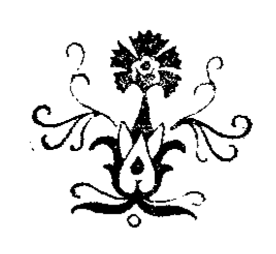
Раскрывайся, цветок! Все твои лепестки
Я целую подряд, благовонный апрель.
Пой, бюль-бюль, в цветнике. Мы с тобою близки,
Пьет дыханье мое упоенная трель.

Встаньте, девушки, в ряд! Вы—невесты земли.
Не смущайтесь своих заалевших ланит.
Вы на солнечный свет заглядеться пришли.
Этот мощный огонь вас легко опьянит.

О, родная земля! Свет очам твоим, мать!
О, счастливых знамен ярко пышущий жар!
Если б не было вас,—я бы должен сломать
Эту краткую жизнь, мне врученную в дар.

Пограничник—боец! Свет очам твоим, брат!
Зоркий сокол, прими мой привет издали.
Мы с тобою в строю. Мы не знаем преград.
Наше имя—весна и свобода земли.

ЛЕНИН ЖИВ!

Взмыв гордым соколом, мечта летит к небесной синеве.
Москва моя мне шлет салам, салам ответный шлю Москве.
О, площадь Красная, скажи: какая тайна есть в тебе?
Ты птицу сердца моего, где б ни был я, влечешь к себе...
К груди твоей, любовь храня,
Прильну, о родина моя!
Ты в алом пламени знамен
Дороже жизни для меня.
Тебя, крепка и высока, хранит Кремлевская стена.
Лучом блеснула над тобой вселенной первая весна.
Бураны, вихри и пожар—чего не вытерпела ты?
Текли томительно года, и гасли лучшие мечты.
Свершая неуклонный бег,
За веком шел жестокий век...
Но в рабстве черном, в кандалах,
Стонал и плакал человек.
О, площадь Красная! Тобой был меч народный занесен,
Знамена в пыль твою склонил смирившийся Наполеон.
Священна родина! Хранит свободу доблестный народ.
Над жалкою землей рабов, пылая, солнце не взойдет.
И вот блеснул восхода час.
Могучий гром весь мир потряс,
Владыки жизни пали в прах:
Несокрушима воля масс.

О, мать великая! Твоим был Пушкин вскормлен молоком.
Сыны и дочери твои тебя приветствуют стихом.
На плитах площади горят огни весенних свежих роз.
Твоя Татьяна, о певец, не проливает горьких слез.

Листы истории прочти.
Какие пройдены пути!
Ликует родина, цветет
И вечно ей дано цвести!

О, площадь Красная, скажи: какая тайна есть в тебе?
Ты птицу сердца моего, где б ни был я, влечешь к себе!
Постой.. Тебе отвечу я... Весна, и жизнь, и сила здесь.
Борца, учителя, вождя священная могила здесь.
На солнце блещет мавзолей, сверкают камни, как рубин,
Лишь бросишь взоры на него, сожмется сердце в миг один.

Но эти звуки—как призыв:
Не умер Ленин—вечно жив!
Стоят народы на часах,
Его гробницу окружив.

О, Ленин наш! К тебе в сердцах таится вечная любовь,
И имя славное твое гремит над миром вновь и вновь.
Азербайджанец с древних гор, из южных цветников грузин,
Бурят из северных лесов, с яйлагов бархатных—лезгин,
Туркмен, гарцуя на коне, с клинком сверкающим в руках,
С пространств, покрытых ковылем, бескрайних как моря, казах,
Со всех сторон идет народ, все к мавзолею держат путь.
У всех людей по всей земле горит одним желаньем грудь..

— Тебя мир вечно сохранит,—
Народ Суоми говорит.
— Нам озарило всем глаза
То солнце, что в гробнице спит.

Великий Ленин! В честь тебя поет ашугов звонкий саз.
О Ленине старик Джамбул слагает вдохновенный сказ.
Малютка в доме есть у нас. Он в пору светлую рожден:
На орден на груди моей, смеясь, указывает он,
Лепечет радостно: Баба!* Тогда отважен и могуч,
Растет мой непреклонный дух и подымается до туч.

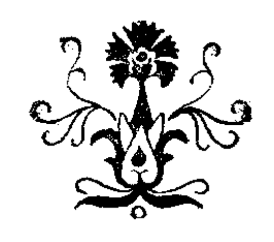
Раскрыл ты в сердце все листы.
Ты в плоть и в кровь одел мечты,
И до небес, до ярких звезд
Искусства знамя поднял ты.

---

* Баба — дедушка.

Увит цветами мавзолей — цветет родимая земля.
Горит лучами мавзолей от звезд рубиновых Кремля.
Стоит, взойдя на мавзолей, наш вождь в торжественные дни,
И вдохновенные глаза горят, как ясные огни;
Глядит он, руку заложив за борт шинели боевой,
И видим в образе его мы образ Ленина живой.
Победно рейте в высоте, знамена Красного Кремля!
Под сенью пламенных знамен цвети, Советская земля!

СЛОВО О КОЛХОЗНИЦЕ БАСТИ

Вступление

Какая песнь доносится? — Басти!
Кто лучшая колхозница? — Басти!
Как нежно произносится — «Басти»...
Стальная воля, сердце золотое.

В твоих глазах я вижу тонкий луч,
Как будто бы кипит в них горный ключ,
Источник жизни светел и могуч,
Хранишь ты в сердце все пережитое!

Ты, как поэт, всегда глядишь вперед,
И, как поэта, чтит тебя народ,
Тебя любой ребенок назовет,
Толкуют старцы: «Время-то какое!»

Вокруг тебя клубятся облака:
То хлопок твой — белее молока!
Его гора, как Эльбрус, высока!
Тобой гордится племя молодое!

I.

Мать, плача, назвала тебя Басти,
Что значит: «баста», «хватит», «отпусти!»
«Зачем мне дочь? Зачем ей жить, расти?
О, почему аллах не дал мне сына?»

Обычай грустный был в стране моей —
Не праздновать рожденья дочерей.
Жена боялась мужа: стыдно ей—...
О, почему аллах не дал ей сына?

У женщины, считалось, нет души,
Нет заработка. Проживет в тиши,
Чужие будет проедать гроши,
Служанкой будет у чужого сына!

Зажжет огонь чужого очага,
А молодость-то будет недолга,
И лишь одна мечта ей дорога:
Родить бы, милостью аллаха, сына!

На свадьбах пели: «Девка здорова,
Вся без из'яна! Сладкая халва!
Семь сыновей роди, пока жива,
Ты мне, гляди, роди не дочь, а сына!..»

2

Я вспоминаю
Черный мир былой...
Что за река
О скалы льет волной?
То слезы матерей.
Ты плачешь мать?
Века, века пришлось тебе страдать.
Бек и купец
Могли тебя купить,
Муж и отец
Могли тебя убить,
Коран тебе приказывал: «Молчи!»
И бекские наемники—кочи
Бесстыдно издевались над тобой:
По шариату ты была рабой.
С какой—нибудь попойки
Зол, уныл,
Бывало, муж
С гостями приходил,
Он бил тебя при людях,
Пьяный в дым,—
Ты молча обмывала ноги им...

У женщины, считалось,
нет ума...
Чадра была, как саван, как тюрьма,
То в шелковой, то в ситцевой тюрьме—
В чадре своей—блуждала ты во тьме...
Был горек хлеб. Был безысходен ад...
Был страшен мир. Был крепок шариат.

3

Простые и чистые
Слышим слова от тебя!
Хвала молоку,
Что когда-то вспоило тебя!
Твой должник благодарный,
Приму я урок от тебя,
Ты чиста, как природа!
Как брат, обнимаю тебя,
Как я счастлив, Басти, что, как брат, понимаю тебя!
И ладони и локти,
Как розы, горят у тебя,
И вышневые губы
От солнца горят у тебя.
Это радостный труд
Сделал сильной, красивой тебя!
Я, влюбленный Вургун, удивленно гляжу на тебя!

4

Это Ленин, учитель, мудрец, герой
Был для нас огневой зарей!
Нашим женщинам Ленин сказал: Смелей
Выходите на вольный свет!
Где свободных и сильных нет матерей,
Там свободной родины нет...
И блистали молнии этих слов,
И в сердцах расцветал восторг.
Тьма и тяжесть упали с людских голов,
Чистый свет озарил Восток.
Перестала ты, женщина, быть рабой
Бессловесной, глухой, тупой...
И сожгла ты коран—стариковский бред.
Шариата больше нет!
Был мулла, говорил он «терпи!», «молчи!»,
Не пугнет теперь он;

Не таскают за косы тебя кочи,
Охраняет тебя закон.
Стал свободным и громким голос твой
На всех языках страны,
Ты проходишь с поднятой головой,
И шаги широки, верны!
Как боец Красной Армии, ты всегда
На суровых постах труда.
Ты готова в аулах учить детей,
Ткать богатый узор ковров,
Делать шелк и в больницах лечить людей,
Сеять хлопок, доить коров.
Трудовым и творящим рукам хвала!
Все нужны на земле дела.
Это Ленин сказал нам, что жизнь полна,
Это он научил понимать,
Что свободна и счастлива та страна,
Где свободна и счастлива мать!

5

Вчера вошел я в детский сад—
В цветник резвящихся ребят.
Им чужд коран, неведом бог..
Свободен каждый детский вздох!
Как мать в кругу своей семьи,
Играла девушка с детьми;
Она учила петь ребят...
Я помню этот светлый взгляд,
Как вспышки голубых зарниц,
И стрелы черные ресниц...
И я, склонившись перед ней,
Сказал:
«У родины моей
Нет пасынков!
В стране любви
Нет пасынков!
Тут все — свои!..»

6

Вот целый мир, и каждый дом, и сад
Колхознице Басти принадлежат!
Баку, Москва, Тбилиси, Ленинград

Поют хвалу колхознице Басти...
Желают ей расти, расти расти!
И слава о Басти, как ураган,
Прошла за рубежи не наших стран—
В Арабистан, в далекий Индостан,
В Алжир и Фец, за толщу древних стен,
В Багдад и в Тегеран, и в Иемен!..
Красавицам Востока страшен труд,
И гнезда их—гаремный их уют—
Лишь запахами тленья отдают...
Те женщины узнают образ твой,
Как выпуклые буквы книг—слепой!
Им даль еще страшна и неясна...
Завидно им, что наша жизнь—весна!
Им сбросить хочется оковы сна!..
Они придут... Да здравствует навек
Освобожденный, чистый человек!

7

Басти, Басти! Стоишь высоко ты!
И первый цвет весны Востока— ты!
Леса, поля, и степи, и хребты
Теперь—твои!
Басти-ханум, ты солнца веселей,
Атласный ветер родины твоей
Колышет кромку хлопковых полей...
Они—твои!
Бегут потоки с горных ледников,
Олени пьют из чистых родников,
Цветут яйлаги выше облаков...
Они—твои!
И эти небеса, что так чисты,
С алмазной каплей утренней звезды,
И всех долин цветущие кусты—
Твои!
И шумный пурпур шелковых знамен,
И разные языки всех племен,
И весь Союз, и Сталинский закон—
Твои!

8

Я встретить тебя, как влюбленный, бежал,
Я руку твою, как товарищ пожал.

Нам дружба и братство—судьба навсегда;
Коль это забудем—сгорим от стыда!
Другие пусть хвалят на сотнях страниц
Франтих, принимающих тысячи лиц;
Бездельниц, ведущих в бульварный поход
Домашних собачек заморских пород;
Красоток, похожих на скользких ужей;
Трещоток, умеющих мучить мужей!
Таких, о которых, прикинув на вид,
«На скользкой подошве»—народ говорит,
Таких, кому страшен и тягостен труд,
Кто улыбки лица своего продают!
О сладких и липких «ханум—мармелад»—
Об этих пускай дураки говорят!..

9

Льстивые слова не для тебя.
Жизнь моя простая для тебя!
Умным вырастая для тебя,
Я тебя товарищем зову!
Прежде льстили женщинам у нас,—
Клеветой казнили в тот же час.
Братскому почтению учась,
Я тебя товарищем зову!
Женщин в саван одевали здесь;
За долги их отдавали здесь;
Их, как рыбу, продавали здесь!..
Я тебя товарищем зову!

10

Я буду петь о днях твоих,
Твоей свободе рад!
Лети же, вдохновенья вихрь,
Как добрый конь Гыр-ат!*
Враг этих песен не поймет! Куда ему понять?.
Моя свободная страна—моя родная мать!
Для вольных песен я рожден
В полях, где нет межей,
В краю серебряных ветров и розовых дождей!
Мне в детстве не было светло,
Не ждал такого дня,

*) Легендарный конь народного богатыря Кер-оглы

Но знамя красное взошло,
Как солнце, для меня!
Как счастлив в наши дни поэт!
На воле он рожден,
Свободе сталинской страны свободно служит он!

11

Басти! под утренней звездой,
Живую жизнь любя,
Идешь ты, глядя пред собой,
Надеясь на себя.
Так рано встала ты одна,
Заря с тобой встает.
В груди, как теплая волна,
Душа твоя поет.
Ты видишь гор воздушный строй,
Поля, скалу, цветник,
И, словно крашенную хной,
Хохлатую кяклик!*
И башмаки твои в росе,
И чистый пот на лбу...
Вместят ли эти песни все
Одну твою судьбу?
Еще в полях заря и тишь;
Твоя тропа долга.
Ты горы хлопка взгромоздишь,
Как русские снега!
На грузовозах и арбах
Лежат дары твои:
Сырье для тысячи рубах—
Моих, моей семьи...
По-детски помнить я привык,
Что я тобой одет...
Я—твой должник! Я—твой должник!
Я твой, Басти, поэт!

12

Наш долг один—священен он,
Наш путь один—другого нет.
Поэт вне жизни—не поэт,
Поэт вне жизни—пустозвон.

---

*) Куропатка.

Поэт был всюду чужаком,
Без родины и без гнезда.
Теперь светла его звезда,
Вся жизнь—его законный дом!
Теперь свободен наш язык,
Мы петь научены борьбой.
Басти! И ты была рабой
Без языка, без глаз, без книг!
Басти, хозяйка красоты,
Теперь поэт и соловей
Поют о юности твоей!
Не знаешь унижений ты!
Басти, сестра моей весны,
Хозяйка гор, воды, травы!
Не склонишь гордой головы
И сильно не согнешь спины!

13

Да сгинет враг, поклонник зла и тьмы!
Мы любим свет и любим счастье мы:
У каждого порога сад посажен,
Цветут сердца, таланты и умы!

Пусть тысяча один цветок цветет,
С плантаций роз пусть аромат течет.
Большевики украсили природу,
Им от нее спасибо и почет.

Принадлежит нам каждый добрый день,
Светла дорога, нам итти не лень!
Пусть на дорогу стройные чинары
В полдневный зной отбрасывают тень...

Своей натуре волчьей вопреки,
Враги на вид любезны и мягки...
Коль в сад их пустишь, сразу расползутся
По нашим розам злые червяки!

Глядит фашист, и злоба в нем кипит!
Секреты наши хочет он купить,
Затеял, знать, секретную торговлю...
Пора мерзавцу лавочку закрыть!

На всех фронтах труда, тверды, сильны,
Как кзыл-аскеры, мы стоять должны.
Нельзя нам быть беспечными, товарищ,
Не спи, моряк, нам бури суждены!

Враг не уйдет от нашего суда,
Но стыдно мне, что не был я всегда,
Как должно быть поэту, дальнозорким!
Басти! Не знай ошибок и стыда!

Колхозница моя! Моя звезда,
Как ты тверда, как пламенно чиста!
Да буду я таким же благородным,
И ложь не осквернит мои уста.

14

Подруга! Помнишь ли ты первой встречи день?
Из городов,
аулов,
деревень
С'езжались люди—тружеников цвет—
В столицу славы,
мудрости,
побед.
Четыре дня нас красный поезд вез,
Касался теплый ветер щек, волос,
Он залетал в открытое окно...
И сердце пело: счастье нам дано!
Звенела кровь, кружилась голова...
«Пожалуйте!»—сказала нам Москва.
Наш первый день был, чем заря, алей!
Наш первый путь—
В отцовский мавзолей.
Не смерть, а жизнь живет в гробнице той,
И полон силы Ленина покой!
Та тишина—не тишина могил!
Так скажет всякий, кто туда входил.
Там сила входит в честные сердца
От нашего учителя, отца...
Все страны света шлют сюда послов,—
Край белых льдов, край огненных песков,
И край дождей, и край дубовых рощ...

И вот стоит на мавзолее вождь—
Великий Сталин, лучший большевик!
Он—Ленина мудрейший ученик.
Гремит, сверкает и поет парад.
Идут полки, сердца у нас горят!
Идут народы, славу заслужив,
И видит мир: великий Ленин жив!

15

Басти! Светла,
как небеса,
Земля,
Мы встретились
Под сводами
Кремля.
Волнуясь, мы оглядывали зал.
Волнуясь, я ни слова не сказал:
Я зарыдать боялся в этот час!
В моей груди пел звонкий, звонкий саз!
Как будто превратилась кровь во мне
В звенящий саз, поющий о весне!
Мы ждали Сталина,—и он вошел—
И людям городов, аулов, сел
Вдруг стало просто, хорошо, тепло,
Как будто утро ясное пришло!
Он прям и светел—наш народный вождь,
Он—доброта, и мужество, и мощь.
Он сел с друзьями. Открывался с'езд.
Вдруг, как один, мы разом встали с мест,
Мы—люди разных языков и стран!..
Как будто в зал ворвался океан,
Как будто бы весенний ветер был
От плеска миллионов птичьих крыл!..
...Басти! В тот миг взглянул я невзначай
На профиль твой, на пестрый келагай*
На черных волосах, на жаркий глаз,
На жизнь твою, на твой счастливый час,
На лоб, на приоткрытые уста,—
И вдруг я понял слово
«красота!»
Ты преданно глядела на того,

---

*) Шелковый платок.

В ком наша честь и наше торжество,
Кто нас ведет дорогою побед,
Кто женщине открыл широкий свет...
Басти, что прежде было бы с тобой?
Была бы ты восточною рабой,
Состарилась бы в горькой нищете...
Теперь страна не та и мы не те!
И вождь великий на тебя взглянул,
Перед его глазами промелькнул
Твой славный путь. И улыбнулся вождь...
Он—доброта, и мужество, и мощь!
Вот вспыхнул орден на твоей груди...
Широкая дорога впереди!
И золотые на руке часы—
Подарены не для пустой красы,
А чтоб всегда ты помнила о том,
Что в золотое время мы живем!
Я был с тобой, и я стихи читал,
Блистал передо мной Кремлевский зал,
И в нем дышал народ страны родной,
Как дышит море в теплый день весной...
Я говорил, и это слышал вождь.
Он—доброта, и мужество, и мощь!
Сестра Басти! Одна судьба у нас.
Сестра Басти! Одна тропа у нас.
Одна и та же нам звезда видна,
И родина у нас с тобой одна!
Да здравствует наш путь, сестра Басти,—
Итти вперед,
расти,
расти,
расти!

ТАЛЫСТАН

(Отрывок из поэмы «Азербайджан»)

И вот я направляю ввысь коня.
Тропинка высоко ведет меня.
Тебе, мой край, я говорю «Салам!»
Крутые скалы виснут здесь и там.
И ослепляют мой отвыкший взор
Сверкающие шапки снежных гор.
Чем выше мой опасный узкий путь,
Тем тише конь, тем чаще дышит грудь.
С тех пор, как замер орудийный гром,
Такая тишина стоит кругом.
Поет о чем-то белая вода,
Да горных коз пугаются стада.
А в сумерки, едва угаснет день,
Луна выходит и кричит олень.

Мой Талыстан, полна восторга грудь,
Тебя полюбишь, стоит лишь взглянуть.
Здесь солнце, оседлав себе коня,
Стремит его к седьмому небу дня,
Здесь так прохладны воздух, воды, лес,
Ущелья глубже голубых небес.
Здесь так хорош дневной лучистый свет,
Что сложит песню даже не поэт.
Вершины гор, как старики, седы,
И гроздьями со скал свисают льды.

О, злые камни неприступных скал,
Никто вас не любил и не ласкал.
Вы так глядите сумрачно кругом,
Что птица не коснется вас крылом.

Сказания храните вы в груди.
Я вижу день, который впереди,
Когда ваятель и творец придет,
Бесформенные глыбы разобьет
И высечет, породы не щадя,
Вершин превыше статую вождя,
Чтоб целый мир его увидеть мог.
Да будет будущего в том залог!

Великое безмолвие хранит
Полуразбитый крепости гранит,
Как память о давно минувших днях,
Заплесневели буквы на камнях.
Кто помнит имя славного творца,
Сурового, печального дворца?
Есть в крепости старинной красота.
Так сбережем забытые места.
У древних сумерек, сгоревших в дым,
Своя есть слава. Мы ее храним.
Я сын народа. Жизнь моя—народ.
Мое искусство он ведет вперед,
Дает мне вдохновенье и мечты.
В моих поэмах—травы и цветы.
Мне каждый кустик, ветка и листок
Лишь сочетанье музыкальных строк.
В моей крови течет гармония рек,
В моих поэмах—дышит человек,
Цветущая весна зовет: «Приди!»
Стучат сердца у матерей в груди,
Колосья, ароматы и поля,
Ветра и вьюги, небо и земля,
Орлы на небе, утки на воде,
И птичье пение, и речь людей,
Вода течет по капле из камней...
И это все в удел досталось мне,
И этим всем владею нынче я
И песня ненасытная моя.

Любимые, родимые места!
Гора, которой имя Талыстан,
Где мерзнут от тумана лапки птиц,
Где ярче роз огонь девичьих лиц...
Здесь люди просто, радостно живут,
Гостеприимству нет пределов тут.
От здешних весен, лета и зимы
Блаженно сердце и ясны умы.
Проходят скорби, горе и печаль,
Порывы и мечты стремятся в даль,
И нет дорогам края и конца.
Усталости не ведают сердца.
Тут, словно кони, носятся ветра
В густом тумане ночи и утра.
Когда по склону движется туман,
То, кажется, идет и Талыстан.
И каждая вершина на горе
Мерещится мне девушкой в чадре.

Струится по моим родным местам
Река, которой имя Талыстан.
Здесь незаметно шествие годов,
Кружится древний мельничный жернов,
В лучах широких с раннего утра
Фиалки собирает детвора.
Взгляни под ноги, под любой кусток,
И родника увидишь ты исток.
Из этих чистых родниковых вод
Река по дну ущелья потечет.
В весенний день с вершин бегут снега,
Толпой выходят девушки в луга.
У родников, на вешних склонах гор
Заводится девичий разговор.
И, с неба не сводя печальных глаз,
Старик-ашуг настраивает саз.
И раздается сладостный мотив.
В газеллах пробуждается Вагиф.
На свете умирают лишь сердца.
Поэзия сильней ее творца:
Ей от рожденья без предела жить.
Но тут поэт решает отступить...

Верный сын пришел домой.
Горный край родимый мой!

Вот я вновь перед тобой,
Сердце, полное любви,
Говорит тебе: «Живи!»

Ты цветок, прекрасней всех,
Никаких не знай помех,
Да звучит твой чистый смех!
Старый край мой, юный край,
Сына верного встречай.

Время ханов позади,
У живой твоей груди
Смертный холод проходил.
Мой краснознаменный край,
Выше знамя подымай!

Пред тобою я в долгу,
Чем платить тебе смогу?
Я почет твой сберегу.
В тех стихах, что стану петь,
Будет жизнь твоя шуметь.

По стране проходит весть,
Что богатств твоих не счесть,
В горных недрах злато есть.
Я еще поведать рад:
Край мой песнями богат.

Слушай, родина моя!
С инженером вместе я
Обойду твои края.
Долго ли должны ржаветь
Золото, железо, медь?

Ты не знаешь ни цепей,
Ни оград, ни крепостей,
Ни безвинных слез детей,
Словно девичьи уста,
Так душа твоя чиста.

Мы себе наметим цель:
Доберемся до земель,
Неразведанных досель,

Покоряйтесь, недра гор,
Неприступных до сих пор.

Познай, поэт, безвестные края,
Когда рождалась родина моя,
В те давние, сокрытые века
Природы материнская рука
Ей столько ласки и любви дала,
Что родина на-диво расцвела.
Мне жаль, что край, имевший столько благ,
Проспал столетья, погружен во мрак.
Красотам зим и прелестям весны,
Мой брат-крестьянин, ты не знал цены.
Ты молча принял скорбный свой удел,
Ты был доволен малым, ты хотел
Лишь большего не ведать в жизни зла,
И в черном горе жизнь твоя текла.
Нес бремя непосильного труда,
Мохнатой шапки не снимал года,
О бане никогда ты не слыхал,
Кривою палкой полосу пахал.
Туманная завеса на глазах,
Жесткие мозоли на руках.
Он столько горя в жизни перенес,
Он столько пролил крови, столько слез,
Он в жизни досыта не ел плодов
Своих кровавых тягостных трудов.
Столетней грязью дом его оброс,
И каждый из ребят раздет и бос,—
Все греются у жалкого костра,
И боль от язв мучительно остра.
И нет врача, чтоб вылечить, помочь...
О злое время, о сплошная ночь!
Неяркая ущербная луна,
Невежество и вера в колдуна...
Ты, сумраком настигнутый, дрожи!
Здесь по ночам лихие грабежи.
Взвивается в ущельи между гор
Грабителей пылающий костер.
Они, как волки, злобны и дики,
Они, как волки, к людям жестоки,
И никому пощады не дают,
Гонимы всеми, одиноко мрут.

В республике свободного труда
Их больше не осталось и следа.

Колхозной школы вижу я порог.
Вот ребятишки кончили урок.
Вот маленькая школьница сидит,
Глазами вдохновенными глядит.
Ее рука, сжимая карандаш,
Рисует окружающий пейзаж.
Дитя мое, прелестное дитя,
Я вижу, как глаза твои блестят,
Как нарушает детский твой покой
Искусство беспокойною рукой,
Изогнутые брови, точно лук,
Вокруг нее кружок стоит подруг,
Их звонкий смех, их восхищенный крик
Порой звучит, как голосок кяклик.
И вдруг над ними загудел мотор.
«Взгляните, самолет ведет Лейла!
О, как она отважна и смела!
Меня коснись ты дружеской рукой,
И я мечтаю вырасти такой!»
И, вторя этой радости подруг,
Звенящим смехом отвечает луг,
Смеется флаг над школой молодой
И Талыстан суровый и седой.

По мирному селению бреду.
Веду коня на тонком поводу.
Мне сильный голос говорит: «Твори!
Об этих людях в песнях говори!»
Навстречу мне прохожие идут,
Мою ладонь ладони другов жмут.
И каждый просит в гости заглянуть,
На счастье очага его взглянуть.

Подходит ночь, темнеют небеса,
Ночных потоков слышны голоса.
Вершины в тишину погружены,
Над ними низко звезды зажжены.
Собранье на большом дворе у нас.
Я вижу сотни лиц и сотни глаз.
Я говорю: «Я вам привез привет

От Сталина...» И сразу мне в ответ
Всю тишину, стоящую кругом,
Ладоней звонких разбивает гром.
Ущелья людям рукоплещут в лад,
Ущельям вторит горный водопад.
Я продолжаю: «Он сказать велел,
Что любит тех, кто стоек, бодр и смел.
Не забывайте этих ясных слов,
Героями растите вы сынов,
Сорвите груз тулупов и папах...
И земли и права у вас в руках.
Вы здесь всему хозяева одни,
Победами свои венчайте дни,
Чтобы одной семьею жил народ,
Песком засыпьте месиво болот,
Среди камней сумейте провести
Широкие и ровные пути...
При свете электрических лучей
Вы дней не отличите от ночей.
Пускай же запылает белый свет!
Сильнее света силы в мире нет!»

Несчастны те, кому неведом свет.
Мы свету утра говорим: «Привет!»
Гордятся светом солнце и луна,
Волной лучей вселенная полна.
Когда бы не прекрасная заря,
Замерзли бы глубокие моря.
Когда бы свет не полыхал с утра,
Всегда б дышали холодом ветра.
Когда б огонь великий не пылал,
Тепла и неги человек не знал.
Когда бы не сияние лучей,
Померкла б острота людских очей,
И вечный мрак бродил бы, как слепой.
Народ живущий, славу свету пой!
Горючей нефти—слава и почет!
Пускай она ручьями потечет
По трубам, что проложены в земле,
В края, которые живут во мгле,
Пусть между гор засветятся огни,
Глухие ночи обратятся в дни.

Мой брат рабочий, слушай эту речь!
Ты можешь грани тесные рассечь,—
И мир продвинуть на века вперед,—
Такая мощь в руках твоих живет.
Такая мощь, что, вверяясь ей,
Себя народы чувствуют сильней.
Она людей возносит на крылах,
Она поет в моих простых стихах.
Мой брат рабочий, будь всегда готов
Отбить атаки тысячи врагов.
Да будет век могуча и легка
Твоя неумолимая рука!

Мой Талыстан, вздымает счастье грудь.
Тебя полюбишь, стоит лишь взглянуть.
По склонам стелется могучий лес,
Вершины достигают до небес.
Я вглядываюсь пристально вперед —
Тебя я вижу, мой родной народ.
Я вижу жизнь грядущую твою,
Я слышу: песни девушки поют.
На склонах гор, средь зелени холмов,
Я вижу ряд отстроенных домов;
Распахнутые окна залиты
Потоком света ярким, золотым;
Из-под земли, искрясь, фонтаны бьют,
Среди ветвей для певчих птиц приют.
Здесь отдыхает в тишине лесов
Рабочий раскаленных промыслов.
Он часто в горы направляет путь,
Здоровый воздух освежает грудь.
Его походка быстрая легка,
Он отдыхает возле родника,
Живую воду пригоршнями пьет.
«Создавший соты да вкушает мед!»

Пусть мудрость предков встанет для ребят,
Проходит в красных галстуках отряд.
Не умолкает бойкий барабан,
И эхом отвечает Талыстан.
Внезапно запевают рупора,
И внемлет песням старая гора.
И слышат все знакомые слова

Про Кер-оглы и про Саят-Нова.
Саз зазвенел, запел седой ашуг,
Но песня старика смолкает вдруг.
«Алло,—ты слышишь нас, Баку?
Мы столько горя знали на веку.
Лишь в этот век, и год, и день, и час
Большое счастье посетило нас.
Алло, алло! Да славится вовек
Эпоху создающий человек!»

И старая вселенная горда,
Услышав песню жизни и труда.
Спрошу у ветра, у густых ночей,
У тихих звезд, у солнечных лучей:
«Неужто же умрет, покинет свет
Такое счастье ведавший поэт!»

АЛАГЕЗ

Белокурая плачет навзрыд Алагез,
Голубые глаза помутнели от слез.
Прояснятся на миг у девчурки глаза—
Будто в небе весеннем промчалась гроза.

Ах, какая тревога во взоре твоем!
Расскажи мне, малютка, о горе твоем!
Понапрасну соседи утешить хотят,
Понапрасну выносят на солнышко в сад.

Льются капля за каплей слезинки из глаз,
Перламутровый плачет в душе ее саз.
Только маму свою называет она,
Только маму зовет и рыдает она.

И зовет, и выходит в слезах на балкон,
И застал на полу белокурую сон.
И вошла ее мать и склонилась над ней:
—Алагез! Алагез! Ах, проснись поскорей!

И девчурка большие открыла глаза,
Ей улыбкою мать озарила глаза.
—Мама-джан! Мама-джан! Где так долго была?
—Посмотри-ка, я братца тебе принесла.

ПАМЯТЬ

Ты мне говорила, расставаясь:
«Не вернуть в гнездо тебя, мой аист!»
Много лет прошло с тех давних пор,
Много раз тебя искал мой взор.
Если рассказать про все, что было,
На бумаге выцветут чернила.
Да и как сказать, про что начать?
В книге жизни—мелкая печать.

Города меня в об'ятья взяли,
Но цветут у памяти в начале
Ручейковых струек повторенье,
Веянье акаций и сирени,
Золотого колоса поклон,
Муравою выстеленный склон,
Вешних трав туманное куренье,
Вешних звезд неясное горенье,—
Все бежит передо мной гурьбою,
Что могло бы стать моей судьбою.

Да еще глаза мои влекли
Тянущие к югу журавли...

Треск огня и дым родного дома
(Как все это близко и знакомо!),
Сырость хаты, дерево тахты,
Бедной жизни мелкие черты.
Нежный перезвон родного саза,

Как тебя узнать я мог бы сразу—
Тихую столетнюю судьбу,
Легшую на материнском лбу?
Эту жизнь я бросил за собою,
Что могла бы стать моей судьбою.

Ты мне говорила, расставаясь:
«Не вернуть в гнездо тебя, мой аист!»
Долго-долго, много лет подряд
Те слова в груди моей горят.
С губ твоих они мне раздаются,
С губ твоих—то плачут, то смеются,
С губ твоих, горячих и поблекших,
Прямо в сердце, прямо в душу легши,
Песню, сердце ,силу, жизнь бодрят
Много весен, много зим подряд.

Матери остывшее об'ятье,
Нет, не мог с тобою потерять я
Звона песни, сердца чистоты,
Если в сердце оставалась ты!
Буря, прочь от этого порога!
Вот гляди, как я запомнил много,
Как сквозь боль, и скорбь твою, и тьму
Я стремился к сердцу твоему.
Мой привет летит к тебе с дороги,
Мой привет тебе поклоном в ноги.
Мой привет струится по ночам
По скользящим месяца лучам.
Мой привет тебе, моей любимой,
Мой привет летит к тебе сквозь дымы,
Мой привет тебе, без слов понятный,
Той, кого времен не тронут пятна.
Мой привет веселью этих дней,
Жизни светлой, совести моей!
Ты же, эти видящая дни,
Голос свой с моим соедини.

Подмети наш двор и домик бедный.
Не пропал я, не погиб бесследно.
Пусть соседи к нашим льнут воротам
Поздравлять тебя с моим приходом,
Говорить, что матери примет
Много носит на себе поэт!

Ты—моя природа и искусство.
Без тебя бы сердце было пусто;
Будь благословенно молоко,
Брызнувшее песней далеко!
Будь благословенна навсегда,
Давшая мне силы для труда!
Сядь со мною, мать моя, поближе,
Пусть нам будет шелестящей крышей
Дерево любимое одно—
Дерево страны моей родной,—
Чтоб под этим густолистым скатом
Новый день смеялся над закатом.
Пусть читают все, что напишу,
Все, что в сердце с детства я ношу,
Чтобы встал до самых легких облак
Твой высокий, драгоценный облик,
Чтобы, быть последнему мне дню
Тем, в который клятве изменю.

ГОРЕ ЧИНАРЫ

Слышал голос я древней чинары одной:
«Мой поэт, погрусти, попечалься со мной.
Сотни лет наблюдаю я времени ход.
Здесь в прохладе не раз отдыхал пешеход.
Расцветают цветы в этой влажной тени.
Сколько было тут птиц, знают листья одни.
И до этого дня с давних утренних дней
Забираю я воздух в об'ятия ветвей.
Почивает в корнях моих тайна земли.
Караваны тут шли, исчезали вдали.
Пронеслось надо мной сто бушующих зим,
Но исток моих сил все ж судьбою храним.
Не обиды несло моих слов серебро, —
Приносила я людям одно лишь добро.
В летний зной я полна услаждающих благ.
Я была для жнецов—как прохладный яйлаг.
С их чела я стирала старательно пот
И внимала я книге их тяжких забот.
Тот, кто в долгий пускался, в неведомый путь,
В бесконечных ночей непроглядную муть,
Слов моих тиховеющих принял приют.
Он к груди моей льнул, он печалился тут.
Укрывала его я, как темный шатер,
Снег и дождь не слепили прохожему взор.
Остается добро, хоть проходят века.
Если в лунную ночь вдаль текли облака
И являлась луна,—в этот сладостный час
Сквозь листву мою свет ее лился для вас
И лобзал мои ветви. А в бурю и шквал
Дух во мне клокотал, тело мощное рвал.

А в шептаньях листвы моей малый ли век
Вдохновенье свое находил человек?
В час, когда приходил зорям гаснущим срок,
Из далеких равнин птиц вздымался поток,
И летели они, и поток их взмывал
Над горами, легко одолев перевал.
И кружились они над моей головой,—
Знать, меджлис тут решали устраивать свой.
Птах родных голоса, звонких щебетов лад
Человеку давали не мало услад.
А когда оживал голос нового дня,
Часто дети сбирались в тени у меня.
И свободные песни родимой страны
Тешат старость мою, мне на радость даны.
Не узорные ль здесь расстилают ковры?
Слышу: что веселей нашей юной поры?
Видя новых людей, их высокий порыв,
Человеком горжусь я, невзгоды забыв.
Но я слышала речь, что, прохлад не храня,
От корней кто-то хочет отторгнуть меня.
Почему-то сказал он, что я не нужна,
Что я жить не должна, что стою я одна,
Что исчезнет мой ствол, что напрасно он рос.
Задаю человеку я горький вопрос:
«Посадил он хоть раз, свой наруша покой,
Хоть какой бы росточек своею рукой,
Что он рушит чинару могучую зря?
Ведь листва моя дышит высоко паря»
Многолетней чинары услышав слова,
Я сказал: «Ты, чинара родная, права.
Кто напрасно природу тревожит,—ни слав
Здесь у нас не найдет, ни сочувствий, ни прав».

БЮЛЬ-БЮЛЬ

Бюль-бюль*), сядем утром с тобою рядком,
Мы солнце прославим, мы сложим дастан.
В саду мы согласную песню споем.
Пусть тонких деревьев не зыблется стан.
Мы солнце прославим, мы сложим дастан.

Ты мир наш увидел, о милый бюль-бюль.
Напев твой гремит: «Счастье в мире—не ложь».
Скорбь в сердце твоем отыскать я смогу ль?
Как мы—ты свободен, не в клетке поешь.
Напев твой гремит: «Счастье в мире—не ложь».

Бюль-бюль! Твоей грудки так нежен покров,
Сердечным природа тебя создала.
Мой край—это звонкий цветник соловьев.
Как трель твоя ловко напевы сплела!
Сердечным природа тебя создала.

Ты ведаешь, верно, что в свет, в красоту
Я вечно влюблен. Жизнь прекрасна кругом.
И нашу свободу я славлю и чту.
Вселенная в каждом желаньи моем.
Я вечно влюблен. Жизнь прекрасна кругом!

---

*) Соловей.

Приди же, бюль-бюль мой, сплетем голоса,
О братстве народов мы песни начнем.
С тобой огласим мы поля и леса.
Пусть каждое слово играет огнем —
О братстве народов мы песни начнем.

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХИ САМЕДА ВУРГУНА

Разрешено к печати 25/III-41 г. Знаков в 1 печ. листе 41.040. Печатных листов 7. Авторских листов 7,05

Тип. „III Интернационал", Баку, ул. Саратовца-Ефимова, № 29. ФГ 7672. Ст. А 5. Заказ № 715. Тираж 2.400.

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХИ САМЕДА ВУРГУНА

Разрешено к печати 25/III-41 г. Знаков в 1 печ. листе 41.040. Печатных листов 7. Авторских листов 7,05

Тип. „III Интернационал“, Баку, ул. Саратовца-Ефимова, № 29. ФГ 7672. Ст. А 5. Заказ № 715. Тираж 2.400.

поэт
Самед
Вургун

